Д5
390
П34
Писаревский,
Г.Г.
Переселение
прусских м...
Р-на-Д., 1917

Г.Б
300
П34

Г. Г. Писаревскій

Переселеніе прусскихъ меннонитовъ въ Россію

при Александрѣ I

Ростовъ на Дону 1917

DБ
300
П34

Многоуважаемому
Александру Никитичу
Филиппову
отъ автора
30/V 1917

Г. Г. Писаревскій

БИБЛІОТЕКА
Проф. А. Н. Филиппова

Переселеніе прусскихъ меннонитовъ въ Россію

при Александрѣ I

2521

Ростовъ на Дону 1917

2экз

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
533397

Типографія Т-ва С. С. СИВОЖЕЛѢЗОВЪ и К-о., Ростовъ н/Д.

Переселеніе

прусскихъ меннонитовъ въ Россію при Александрѣ I*).

Первыя поселенія меннонитовъ въ Россіи были основаны въ царствованіе Екатерины II, когда послѣдовали одно за другимъ два переселенія ихъ (въ 1788—1789 и 1793—1796 г.г.) изъ Западной Пруссіи въ Новороссійскій край[2]).

Въ короткое царствованіе Павла I мысль о желательности переселенія меннонитовъ въ Россію не умирала въ

---

[1]) I. Московскій Главный Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ, II, 1, 1797 (и послѣдующихъ лѣтъ), № 1: „О поселеніи въ Россіи Прусскихъ менонистовъ и разныхъ нѣмецкихъ ремесленниковъ".

II. Архивъ Министерства Земледѣлія:

а) Дѣло № 812/2246 — „О переселеніи въ Россію елбингскихъ и маріенбургскихъ менонитовъ и объ изъявленномъ высочайшемъ благоволеніи экспедиціи государственнаго хозяйства и новороссійской опекунской конторѣ за хорошее управленіе иностранными колоніями" 1802—1803 г.г.

б) Дѣло № 1934/2252 „По отношенію государственнаго канцлера гр. Воронцова съ объявленіемъ высочайшей воли относительно донесенія консула въ Данцигѣ Трефурта о выходѣ изъ Пруссіи менонитовъ, жившихъ около Эльбинга и Маріенбурга, о сдѣланныхъ распоряженіяхъ къ пріему ихъ, о разрѣшенной имъ ссудѣ, а также о высочайшемъ соизволеніи на отобраніе отъ капитана Вуковича 13404 дес. земли для водворенія иностранныхъ поселенцевъ и о построеніи для вышедшихъ менонитовъ домовъ на Молочныхъ Водахъ" 1802—1805 г.г.

в) Дѣло № 2060/2302 „О переселеніи менонистовъ изъ Пруссіи въ Новороссійскій край".

г) Дѣло № 2156/2330 „По письму генеральнаго консула въ Гданскѣ ст. сов. Трефурта о приготовляющихся изъ Пруссіи къ выходу для поселенія въ Россіи менонистахъ".

д) Дѣло № 2016/2284 „По представленію новороссійской опекунской конторы касательно произведенной выдачи изъ Пруссіи вышедшимъ менонистамъ кормовыхъ и ссудныхъ денегъ и по предмету обзаведенія ихъ хозяйствомъ".

[2]) Объ этомъ см. Г. Писаревскій, Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в., X глава, 290—338 стр. „Вызовъ меннонитовъ въ Россію".

правительственныхъ кругахъ. Въ февраля 1797 года русскій консулъ въ Кенигсбергѣ Иванъ Леонтьевичъ Исаковъ донесъ вице-канцлеру князю Куракину „о заявленномъ ему отъ нѣсколькихъ семей менонистовъ желаніи переселиться въ Россію“. По докладу вице-канцлера, послѣдовало на это соизволеніе императора Павла, и консулу предписано было, „чтобы онъ, не отвергая подобныхъ чинимыхъ ему предложеній, подъ рукою и безъ всякаго оглашенія поощрялъ и способствовалъ желающимъ переселиться менонистамъ, употребляя даже на вспоможеніе имъ нѣкоторое, но не великое, число денегъ“. Предписаніе это, въ видѣ письма вице-канцлера къ Исакову отъ 28-го февраля, правительство не рѣшилось ввѣрить почтѣ изъ боязни перлюстраціи въ Пруссіи, а поручило курляндскому губернатору Ламсдорфу отправить „при вѣрномъ случаѣ“ и такимъ образомъ сохранить все дѣло въ тайнѣ. 15/26 марта 1797 года письмо было доставлено консулу статскимъ совѣтникомъ Кохомъ.

Получивъ письмо, консулъ немедленно послалъ за жившимъ въ Кенигсбергѣ комиссіонеромъ меннонитовъ Михаелемъ Миро, „коему все нужное къ свѣдѣнію его изъ письма... прочитавъ, просилъ, чтобъ (онъ) съ первою же *почтою* объ ономъ товарищамъ своимъ далъ знать, притомъ велѣлъ совѣтовать всѣмъ, чтобъ не медлили отъѣздомъ своимъ, дабы, докуда еще время дозволяетъ, успѣли будущія свои земли обработать“. Комиссіонеръ въ отвѣтъ на это заявилъ, что, по невозможности скоро продать свои хозяйства, первый транспортъ меннонитовъ изъ двѣнадцати семей отправится не прежде 1-го мая, а второй изъ семнадцати, а можетъ быть и болѣе семей,—не прежде 1-го іюня, и что большая часть этихъ переселенцевъ „никакой казенной помощи не потребуетъ“, и только нѣкоторые, быть можетъ, „въ деньгахъ надобность имѣть будутъ“. Чтобы устранить у меннонитовъ всякія сомнѣнія и колебанія, Исаковъ, по просьбѣ Миро, выдалъ ему особое удостовѣреніе на *нѣмецкомъ* языкѣ за своей подписью, содержавшее „обнадеживаніе въ милости и покровительствѣ его и —го вел-ва.

Увѣдомляя *почтой же* вице-канцлера о своихъ дѣйствіяхъ въ письмѣ отъ 20/31 марта, консулъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ разъясненія, сколько именно денегъ выдавать меннонитамъ, и просилъ, „какъ для провожанія“ послѣднихъ,

„такъ и для защищенія ихъ въ пути“, или прислать надежнаго человѣка изъ Либавы, или дозволить самому ему проводить ихъ до границы.

Выдача письменнаго удостовѣренія и обращеніе комиссіонера и самого консула къ услугамъ почты нарушало тайну задуманнаго переселенія меннонитовъ. Чтобы не компрометировать себя сманиваніемъ чужихъ подданныхъ, правительство сочло нужнымъ на этотъ разъ не давать дальнѣйшаго хода уже налаживавшемуся дѣлу.

Но это была только временная отсрочка, вызванная нетактичностью дипломатическаго агента[1]); мысль о желательности переселенія въ Россію меннонитовъ не была оставлена.

6-го сентября 1800 года императоромъ Павломъ дана была меннонитамъ жалованная грамота, контросигнированная графомъ Ростопчинымъ[2]), и имѣвшая въ виду не только уже водворенныхъ въ Россіи меннонитовъ, но и тѣхъ, „которые впредь въ новороссійской губерніи селиться пожелаютъ“.

„Снисходя“, гласила грамота, „на просьбу водворенныхъ въ новороссійской губерніи менонистовъ, которые по засвидѣтельствованію начальства отличнымъ трудолюбіемъ и благонравіемъ своимъ могутъ быть поставлены въ примѣръ прочимъ поселеннымъ тамъ иностранцамъ, и тѣмъ заслуживаютъ особливое вниманіе, всемилостивѣйше восхотѣли Мы сею императорскою Нашею жалованною грамотою не токмо *утвердить всѣ ихъ права и преимущества*, изъясненныя въ предварительно заключенныхъ съ ними условіяхъ[3]), но для возбужденія въ нихъ вящей ревности къ трудамъ и раченію къ домоводству, *даровать имъ и другія выгоды*“.

Грамота такимъ образомъ *подтверждала:*

1) Свободу меннонитовъ „въ безпрепятственномъ отправленіи вѣры по церковнымъ ихъ установленіямъ и обычаямъ“ съ дозволеніемъ приносить въ судебныхъ мѣстахъ

---

[1]) Москов. Гл. Архивъ Мин. Ин. Д.: письмо вице-канцлера кн. Куракина къ Николаю Петровичу Архарову отъ 27 февраля 1797 г.; письмо Исакова къ вице-канцлеру отъ 20/31 марта того же года; „записка о менонистахъ“.

[2]) Въ Полн. Собр. Зак., томъ XXVI, № 19546 слова „контросигналъ графъ Ростопчинъ“ пропущены.

[3]) См. Г. Писаревскій, „Изъ исторіи иностр. колонизаціи въ Россіи въ XVIII в.“, 299—304 стр., гдѣ эти условія приведены полностію.

„присягу, по ихъ обыкновенію въ одномъ изустномъ утвержденіи состоящую“;

2) свободу отъ обязательной военной и гражданской службы какъ самихъ переселившихся и переселяющихся въ Россію меннонитовъ, такъ равно ихъ дѣтей и потомковъ, въ чемъ они торжественно „обнадеживались императорскимъ словомъ“;

3) свободу „отъ всякаго рода постоевъ“, „квартированія“ и „всякихъ казенныхъ работъ“, за исключеніемъ временнаго постоя проходящихъ воинскихъ командъ, обязанности исправно содержать мосты, перевозы и дороги, находящіеся на ихъ земляхъ, и участвовать въ расходахъ на почты, „по общему распоряженію“;

4) свободу обратно выѣхать за границу[1]) по уплатѣ казеннаго долга и трехгодичной подати съ нажитаго въ Россіи капитала, „сколько онаго по совѣсти“ выѣзжающаго „и начальниковъ селенія, гдѣ онъ находится, объявлено будетъ“; та же подать взыскивается и съ переходящаго за границу наслѣдства послѣ умершихъ меннонитовъ;

5) право заводить фабрики какъ въ ихъ колоніяхъ, такъ и во всѣхъ городахъ имперіи[2]), заниматься ремеслами и торговлей, вступать въ гильдіи и цехи на основаніи существующихъ государственныхъ узаконеній;

6) право десятилѣтней льготы отъ податей съ распространеніемъ ея „и на тѣхъ, которые впредь въ новороссійской губерніи селиться пожелаютъ“;

7) право, по минованіи льготы, платить съ отведенныхъ каждому семейству 65 десятинъ земли по 15 копеекъ съ десятины при условіи освобожденія „отъ всякихъ податей другого рода“;

8) право пользованія въ ихъ дачахъ, по праву владѣнія, всѣми угодьями и рыбною ловлею.

---

[1]) Она была предоставлена всѣмъ колонистамъ 9-мъ пунктомъ манифеста 22 іюля 1763 года. Но по манифесту выѣзжавшіе обратно колонисты уплачивали въ казну извѣстную часть нажитаго въ Россіи имѣнія, въ зависимости отъ числа прожитыхъ въ ней лѣтъ, а именно: прожившіе отъ одного года до пяти лѣтъ—пятую часть, а отъ пяти до десяти лѣтъ и далѣе—десятую.

[2]) А не только „намѣстничества екатеринославскаго или области таврической“, какъ ходатайствовали при Екатеринѣ II сами меннониты.

Одновременно съ подтвержденіемъ правъ и свободъ ранѣе пожалованныхъ Екатериною II грамота узаконяла только что дарованныя самимъ императоромъ Павломъ меннонитамъ новыя, или утверждала фактически только существовавшія старыя льготы и преимущества, а именно:

1) „во уваженіе ихъ бѣдности и неимущества", „по причинѣ бывшихъ въ нѣкоторые годы неурожаевъ и падежа скота", меннониты получали новую пятилѣтнюю отсрочку въ платежѣ поземельной подати;

2) для тѣхъ меннонитовъ, которыхъ „по тѣснотѣ въ Хортицкомъ урочищѣ" предположено было переселить на новыя мѣста, отсрочка удлинялась до десяти лѣтъ";

3) по минованіи означенныхъ льготныхъ лѣтъ взысканіе выданныхъ меннонитамъ ссудныхъ денегъ разсрочивалось съ остающихся на старыхъ мѣстахъ въ Хортицѣ на *десять лѣтъ*, а съ переселяемыхъ—на двадцать лѣтъ, причемъ уплата должна была производиться по равнымъ частямъ;

4) отведенные земельные участки по 65 десятинъ на семью утверждались меннонитамъ „въ неоспоримое и вѣчно-потомственное владѣніе", подъ условіемъ однако неотчуждаемости изъ нихъ въ постороннія руки „ни малѣйшаго участка, подъ какимъ бы то видомъ ни было, безъ воли учрежденнаго надъ ними начальства"; распоряжаться же прочимъ имѣніемъ жаловались „полная свобода и власть", „по произволу и благоизобрѣтенію каждаго";

5) меннонитамъ дозволялось въ своихъ дачахъ, по праву владѣнія, „варить пиво и уксусъ, курить хлѣбное вино, какъ собственно для своего употребленія, такъ и на продажу въ розницу на земляхъ, имъ отведенныхъ"; въ связи съ этимъ въ предѣлахъ меннонитскихъ владѣній запрещалось постороннимъ лицамъ строить „харчевни и питейные домы", а „откупщикамъ производить продажу вина и содержать шинки" безъ согласія владѣльцевъ; наконецъ,

6) меннонитскимъ колоніямъ предоставлялась свобода „выбирать по собственнымъ своимъ правиламъ опекуновъ надъ имѣніемъ малолѣтныхъ дѣтей, остающихся послѣ умершихъ".

Этотъ законодательный актъ не столько самъ по себѣ, сколько въ соотношеніи съ другимъ актомъ противоположнаго ограничительнаго характера, изданнымъ годъ спустя прусскимъ правительствомъ (17 декабря 1801 г.), сыгралъ боль-

шую роль въ усиленіи меннонитской эмиграціи въ Россію и насажденіи въ ней меннонитскаго землевладѣнія.

Меннониты вошли въ составъ Пруссіи по первому и второму раздѣламъ Польши. Къ началу XIX вѣка ихъ числилось тамъ до 3000 семей. Полицейско-милитаристическій характеръ прусскаго государства не мирился съ проживаніемъ на его территоріи подданныхъ, не отбывавшихъ воинской повинности. Поэтому прусское правительство рано стало ограничивать и стѣснять права меннонитовъ, дабы побудить ихъ къ вступленію въ военную службу. Взамѣнъ рекрутской повинности, „привилегіей“ 29 марта 1780 года на нихъ была наложена подать въ пять тысячъ (5000) талеровъ на содержаніе Кульмскаго кадетскаго института (корпуса), а девять лѣтъ спустя, указомъ 30-го іюля 1789 года пріобрѣтеніе или расширеніе недвижимаго имѣнія меннонитами обставлялось рядомъ ограничительныхъ условій. Меннониты, владѣвшіе земельными участками, обязывались нести всѣ лютеранскія церковныя повинности. Покупка меннонитами не меннонитскихъ помѣстій допускалась лишь при тѣхъ условіяхъ, если часть продаваемаго участка оставалась въ рукахъ не-меннонита (обязаннаго военной службой), или если путемъ такой продажи не-меннонитъ избѣгалъ разоренія. Водвореніе новыхъ меннонитовъ въ Западной и Восточной Пруссіи и Литвѣ воспрещалось[1]).

Подъ давленіемъ такого рода политики нѣкоторые меннониты стали вступать въ военную службу. Опытъ показалъ, что изъ нихъ могутъ выходить хорошіе солдаты, и это обстоятельство побудило прусское правительство далѣе идти по принятому имъ пути.

17 декабря 1801 года состоялась королевская декларація, вводившая новыя и весьма существенныя ограниченія для меннонитскаго землевладѣнія. Декларація исходила изъ слѣдующихъ двухъ основныхъ положеній:

1) меннониты, отбывающіе воинскую повинность „въ разсужденіи права на пріобрѣтеніе недвижимаго имѣнія заслуживаютъ уравненія быть съ прочими... христіанскими подданными подобнаго имъ званія“, и

---

[1]) С. Д. Бондарь. Секта меннонитовъ въ Россіи. Петроградъ 1916 г. Стр. 201.

2) напротивъ, уклоняющіеся „отъ всеобщаго долга защищать отечество на будущее время“ должны быть лишены права „размножать“ свои владѣнія, „или расширять пространство оныхъ и пользоваться соединенными съ освобожденіемъ отъ рекрутства выгодами, служащими къ угнетенію другихъ полезныхъ государству христіанъ“.

Развивая эти положенія, декларація опредѣляла:

1) Тѣ меннониты, которые заявятъ, что они наравнѣ съ прочими подданными своего званія принимаютъ на себя надлежащую обязанность въ отношеніи военной службы и не требуютъ свободы отъ воинской повинности, имѣютъ быть совершенно освобождены отъ всѣхъ введенныхъ для ихъ единовѣрцевъ указомъ 30 іюля 1789 года ограничительныхъ условій въ дѣлѣ пріобрѣтенія или расширенія недвижимыхъ имѣній (Grundstücken), а поступать съ ними на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и съ прочими христіанами ихъ званія (ihres Standes).

2. Во время принятія въ военную службу военно-обязанный (Cantonpflichtige) меннонитъ, во вниманіе къ его поняtіямъ о вѣрѣ, избавляется отъ присяги и требуемое обѣщаніе принимается отъ него посредствомъ удара по рукамъ (mittelst Handschlages).

3) Къ взносу подати, которую неподлежащіе рекрутскому набору меннониты платятъ за эту свободу ежегодно въ пользу кульмскаго кадетскаго корпуса, не должно обязывать тѣхъ меннонитовъ (zu der Abgabe... sollen diejenigen Mennonisten beizutragen nicht verbunden sein), которые, посредствомъ принятой обязанности нести военную службу, въ отношеніи пріобрѣтенія и расширенія недвижимыхъ имѣній получаютъ всѣ права прочихъ христіанъ.

4) Напротивъ того, ни одному меннониту, который не изъявитъ готовности пожертвовать свободой отъ рекрутчины, не должно впредь быть позволяемо, подъ какимъ бы то видомъ ни было, пріобрѣтать таковыя недвижимыя имѣнія, будь они сельскія, или городскія, право собственности надъ коими во время опубликованія этого узаконенія (Verordnung) не находится въ обладаніи меннонитовъ, сообразно съ чѣмъ и дозволяемое до сихъ поръ изъятіе на будущее время совершенно уничтожается, дабы такимъ образомъ находящееся на лицо теперь количество владѣній меннонитовъ, свободныхъ

отъ военной службы, впослѣдствіи никоимъ образомъ не было умножено, или пространство ихъ (deren Umfang) не было расширено.

5) Меннонитамъ, во время публикаціи настоящаго узаконенія владѣющимъ недвижимыми имѣніями, доколѣ они принадлежатъ къ этой сектѣ и остаются въ обладаніи своими недвижимыми имѣніями, должна и впредь предоставляться обезпеченная имъ свобода ихъ сыновей отъ военной службы, соотвѣтственно чему они должны въ точности (überall genüge) выполнять законныя условія, въ силу коихъ даровано имъ это изъятіе.

6) Эта свобода отъ рекрутчины должна также оставаться неизмѣнной, когда при кончинѣ теперешняго собственника недвижимыя имѣнія опять переходятъ къ меннонитамъ, какъ законнымъ мужескаго пола наслѣдникамъ (Intestat—Erben[1]) послѣдняго владѣльца.

7) Кромѣ этого случая, когда собственность достается мужескаго пола наслѣдникамъ меннонитскаго вѣроисповѣданія по праву родства, свобода отъ рекрутчины должна совершенно прекратиться при ближайшей перемѣнѣ владѣнія, и кто пріобрѣтаетъ таковое недвижимое имѣніе посредствомъ купли, мѣны, даренія, завѣщанія, духовной записи (Vermächtniss), вступленія въ бракъ со вдовою, дочерью или родственницей послѣдняго владѣльца, или какимъ-либо инымъ способамъ, тотъ не имѣетъ права заявлять притязаніе на свободу отъ воинской повинности.

8) Опредѣленная привилегіей 29 марта 1780 года за освобожденіе отъ военной службы подать въ размѣрѣ 5000 рейхсталеровъ въ пользу кадетскаго института въ Кульмѣ должна и впредь безъ умаленія быть платима и собираема съ свободныхъ отъ рекрутчины меннонитовъ. Только въ томъ случаѣ, когда число не подлежащихъ воинской повинности меннонитовъ такъ уменьшится, что будетъ меньше, чѣмъ ихъ было на 29 марта 1780 года, должна быть дарована соотвѣтствующая сбавка.

Вводимое приведенной декларацiей запрещеніе меннонитамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, въ частности новые земельные участки, было для нихъ, по условіямъ ихъ

---

[1]) Intestat—Erbe—наслѣдникъ по праву родства, лицо, наслѣдующее по закону, а не по завѣщанію.

хозяйства[1]) мѣрой весьма тягостной. Прусское правительство сознавало, что оно вызоветъ сильное недовольство въ ихъ средѣ и даже эмиграцію въ другія страны, въ особенности въ Россію, гдѣ уже существовали колоніи ихъ единовѣрцевъ; терять зажиточныхъ подданныхъ, исправныхъ плательщиковъ налоговъ, конечно было нелегко; но соображенія государственной обороны и простой справедливости по отношенію къ прочимъ подданнымъ, обязаннымъ поставлять вмѣсто меннонитовъ лишнее число рекрутъ, взяли верхъ надъ соображеніями хозяйственными. Другихъ мотивовъ, въ особенности какихъ либо національныхъ тенденцій, въ изданіи новаго ограничительнаго закона усмотрѣть нельзя. Дѣло въ томъ, что меннониты, переселившись въ Пруссію изъ Голландіи въ XVI-омъ столѣтіи, совершенно здѣсь онѣмечились и отличались отъ остального населенія лишь болѣе высокой степенью экономическаго благосостоянія и привилегированнымъ положеніемъ въ отношеніи рекрутчины. Они говорили на томъ же нижне-нѣмецкомъ языкѣ (Plattdeutsche Sprache), что и окружающее ихъ населеніе, языкомъ же церкви, школы и письменности былъ у нихъ общій литературный нѣмецкій языкъ. На немъ печатались для нихъ рекламы, восхвалявшія жизнь въ Россіи и приглашавшія ихъ туда эмигрировать, на немъ переписывались прусскіе и данцигскіе меннониты съ своими собратьями, водворенными въ Новороссійскомъ краѣ при Екатеринѣ II. Послѣдніе въ заключенныхъ съ русскимъ правительствомъ условіяхъ выговорили себѣ присылку землемѣра, знающаго именно *нѣмецкій* языкъ[2]); книги и брошюры религіозно-нравствен-

---

[1]). Объ этомъ см. Г. Писаревскій, Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в., стр. 292 и 293.

[2]) Водворившіеся въ Россіи въ разное время меннониты, какъ при Александрѣ I (на Молочныхъ Водахъ въ нынѣшней Таврической губерніи), такъ и при Екатеринѣ II (въ Екатеринославской губ.) были нѣмцы по языку и быту. Хотя Георгъ Траппе, вербовавшій меннонитовъ при Екатеринѣ II, и велъ преговоры съ голландскими меннонитами (письмо Траппе къ вице-канцлеру гр. Остерману отъ 22 апр. 13 мая 1788 г. въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, см. также Г. Писаревскій, Изъ исторіи иностр. колонизаціи въ Россіи, 324—325 стр., гдѣ помѣщенъ переводъ письма на русскій языкъ), но эти переговоры ни къ чему не привели, и ни одинъ голландскій меннонитъ тогда въ Россію не переселился.

наго содержанія печатались у прусскихъ меннонитовъ также на нѣмецкомъ языкѣ. Для примѣра хотя бы назовемъ справочникъ, печатавшійся время отъ времени въ Данцигѣ и содержавшій списокъ всѣхъ существовавшихъ въ мірѣ меннонитскихъ общинъ съ ихъ проповѣдниками: „Namenverzeichniss der sämmtlichen remonstrantischen Professoren und Prediger, wie auch derjenigen aller andern Mennonitischen Gemeinen in- und ausserhalb der Batawischen Republick“. Этотъ справочникъ былъ болѣе исправнымъ и полнымъ, чѣмъ таковое же ежегодное изданіе голландскихъ меннонитовъ въ Амстердамѣ[1]). Онъ снабжался предисловіемъ и какимъ либо литературнымъ приложеніемъ. Непосредственно послѣ обнародованія выше названной королевской декларації онъ въ теченіе трехъ лѣтъ печатался дважды: въ 1802 и въ 1805 годахъ. Такъ какъ создавшееся послѣ этой декларації положеніе горячо обсуждалось въ меннонитской средѣ, и для многихъ единственнымъ выходомъ изъ него представлялась эмиграція, то для изданія 1805 года рѣшено было иниціаторами его дать въ видѣ приложенія краткую исторію меннонитской эмигращіи (eine kurze Geschichte der Auswanderung mennonitischen Glaubensgenossen), о чемъ было печатно заявлено. Но прусское правительство не позволило выполнить этого намѣренія, дабы не подогрѣвать въ меннонитахъ стремленія къ эмигращіи. Поэтому издатели, заявивъ въ предисловіи о невозможности для нихъ выполнить обѣщаніе, дипломатически предоставляютъ самимъ читателямъ догадываться о ея причинахъ: „Будетъ-ли это потому, что освѣщеніе этого дѣла слишкомъ преждевременно, или потому, что слѣдуетъ держаться справедливаго изреченія: оставайся въ своей странѣ и питайся честно; и мы тѣмъ охотнѣе воздержимся отъ этой рискованной попытки, что большинство нашихъ единовѣрцевъ имѣютъ счастіе проводить свои дни подъ высочайшимъ покровительствомъ и при величайшей свободѣ совѣсти“[2]).

---

[1]) Da die jährliche Amsterdammer Ausgabe desselben vor wie nach fehlerhaft bleibt und von Druckfehlern wimmelt, so haben wir es für nöthig erachtet, uns dieser Bemühung aufs neue zu unterziehen und hoffen damit den Dank unsrer Glaubensbrüder zu verdienen.

[2]) Namenverzeichniss der sämmtlichen remonstrantischen Professoren und Prediger... Verbesserte Ausgabe vom Jahre 1805. Danzig gedruckt mit Müllerschen Schriften.

Тѣмъ не менѣе оставаться подъ прусскимъ режимомъ были согласны далеко не всѣ меннониты какъ до, такъ и послѣ этого заявленія ихъ главарей.

Немедленно по обнародованіи декларації 17 декабря 1801 года меннониты послали своихъ депутатовъ въ Берлинъ хлопотать если не о полной отмѣнѣ, то о смягченіи означенной декларації; но ихъ хлопоты (долгое время) не имѣли успѣха.

Русскій консулъ въ Данцигѣ Трефуртъ въ донесеніи отъ 13/25 августа 1802 года писалъ по этому поводу своему правительству:

„Депутаты меннонитовъ все еще находятся въ Берлинѣ, чтобы ходатайствовать тамъ о смягченіяхъ въ содержаніи указа, столь гибельнаго для ихъ секты, но его величество король до настоящаго времени не соизволилъ ни въ чемъ измѣнить своего рѣшенія; если указъ, о которомъ идетъ рѣчь (l'edit en question), останется въ силѣ, большая часть покинетъ страну; и хотя Пруссія не имѣетъ недостатка въ населеніи, она пострадаетъ однако отъ утраты этихъ подданныхъ земледѣльцевъ, которые платятъ много государству; здѣсь взвѣшиваютъ только выгоды момента, чтобы слишкомъ заботиться о будушемъ, щедрой рукой (de la bonne façon) облагая подданныхъ податьми и стѣсняя торговлю большими налогами единственно для того, чтобы, путемъ формированія все новыхъ полковъ, увеличивать армію уже весьма многочисленную.

Пруссія заслуживаетъ быть названной государствомъ чисто военнымъ, во всей силѣ этого слова, ибо десятый человѣкъ тамъ —солдатъ“[1]).

Этотъ милитаристическій характеръ прусскаго государства не позволялъ меннонитамъ особенно надѣяться на успѣхъ миссіи своихъ депутатовъ, и прежде чѣмъ выяснился окончательный результатъ ихъ хлопотъ, у нѣкоторыхъ членовъ секты уже вполнѣ созрѣло рѣшеніе переселиться въ Россію. По словамъ Трефурта въ донесеніи отъ 5/17 мая 1802 года[2]) большое вліяніе въ данномъ случаѣ оказало пребываніе въ Пруссіи лѣтомъ 1801 года двухъ меннонитовъ изъ Хортицы въ Новороссіи. Пріѣхавъ сюда по своимъ домашнимъ дѣламъ,

---

[1]) Архивъ Министерства Земледѣлія, № 1934/2252.

[2]) Москв. Главн. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ.

они много разсказывали о той зажиточности и тѣхъ выгодахъ, которыми пользуются меннониты подъ русскимъ владычествомъ, и эти разсказы послужили для ихъ прусскихъ единовѣрцевъ довольно вѣскимъ аргументомъ въ пользу переселенія въ Россію.

О своемъ желаніи переселиться въ Россію двѣсти меннонитскихъ семей изъ окрестностей Эльбинга сочли нужнымъ довести до свѣдѣнія русскаго правительства одновременно двумя путями: черезъ консула Трефурта[1]) и черезъ окружный приказъ Хортицкой колоніи[2]). Испрашивая соизволеніе государя на это переселеніе, они въ то же время хотѣли знать, могутъ-ли они разсчитывать на тѣ же привилегіи и на ту же ссуду, какими воспользовались ранѣе ихъ водворившіеся въ Россіи ихъ единовѣрцы.

Сообщеніе Трефурта ранѣе дошло по назначенію, и было встрѣчено императоромъ Александромъ съ большимъ удовольствіемъ. Выразивъ свое принципіальное согласіе на переселеніе меннонитовъ въ Россію, онъ повелѣлъ „снабдить консула надлежащими на сей случай предписаніями“. Особенно пріятное впечатлѣніе произвелъ на императора тотъ указанный въ донесеніи Трефурта фактъ, „что поселенные въ новороссійской губерніи меннонисты распоряженіями объ нихъ экспедиціи государственнаго хозяйства и мѣстнымъ управленіемъ состоящей тамъ конторы столько довольны, что поощряютъ къ переселенію въ Россію и другихъ своихъ соотчичей“. Тронутый этимъ государь выразилъ свое удовольствіе и благоволеніе какъ экспедиціи, такъ и новороссійской конторѣ. Мало того: на имя главнаго судьи новороссійской конторы колл. сов. Контеніуса 3-го іюля 1802 года данъ былъ слѣдующій секретный императорскій рескриптъ:

„Господинъ коллежскій совѣтникъ Контеніусъ! Экспедиція государственнаго хозяйства свидѣтельствуетъ Мнѣ о ревностномъ попеченіи вашемъ къ благоустроенію и улучшенію состоянія ввѣренныхъ начальству вашему меннонитовъ, въ новороссійской губерніи поселенныхъ. Обращая

---

[1]) Москов. Главн. Архивъ Мин. Ин. Д.: донесеніе Трефурта отъ 5/17 мая 1802 г.

[2]) Архивъ Мин. Земледѣлія, № 812/2246, рапортъ конторы опекунства новороссійскихъ иностранныхъ поселенцевъ въ экспедицію государственнаго хозяйства отъ 6 іюня 1802 года.

особенное вниманіе на сихъ иностранцевъ, *Я желаю* сколько утвердить и усовершенствовать положеніе обитающихъ уже нынѣ внутри предѣловъ Россіи, столько же *симъ способомъ привлечь большее еще число оныхъ для заселенія впустѣ лежащихъ земель.* А потому и предписываю вамъ не только продолжать, но паче и паче усугублять усердное стараніе ваше къ большему процвѣтанію состоянія водворенныхъ и находящихся подъ попечительствомъ вашимъ меноністовъ, при томъ же благоразумнымъ образомъ, безъ оглашенія ни Моей воли, ниже сдѣланнаго вамъ отъ Меня препорученія, однимъ внушеніемъ собственной пользы побуждать ихъ (къ) склоненію единовѣрцевъ и соотчичей ихъ, въ чужихъ краяхъ остающихся, на переселеніе въ Россію, увѣряя ихъ о своемъ благосостояніи и тѣмъ самымъ обнадеживъ ихъ въ пріобрѣтеніи здѣсь возможныхъ выгодъ какъ по свойству земли, такъ и оказываемаго всѣмъ водворяющимся пособія и защиты отъ правительства. Я надѣюсь, что вы тщательнымъ обращеніемъ вниманія вашего на сей предметъ и усерднымъ попеченіемъ въ исполненіи возложеннаго на васъ дѣла оправдаете довѣренность, вамъ дѣлаемую“[1]).

Увѣдомить эльбингскихъ меннонитовъ о соизволеніи государя на ихъ переселеніе было поручено хортицкому окружному приказу. При этомъ сношенія съ ними рѣшено было держать въ полной тайнѣ, съ соблюденіемъ всевозможныхъ предосторожностей.

„Считаю нужнымъ примѣтить“, писалъ Контеніусу министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей[2]), „чтобъ употребили вы всю возможную осторожность, дабы перепискою, какъ собственно вашею, такъ и старшинъ (русскихъ меннонитовъ) съ единовѣрцами ихъ въ Эльбингѣ, а особливо когда она будетъ производима по почтѣ, не возбудить вниманія прусскаго правительства и тѣмъ не затруднить между прочимъ и самого переселенія“. Контеніусъ отвѣчалъ министру: „я не перестану употреблять ту же предосторожность, съ какою уже писалъ къ проповѣднику Варкентину въ Эль-

---

[1]) Архивъ Мин. Земледѣлія, № 1934/2252, въ секретномъ представленіи экспедиціи госуд. хоз. министру вн. дѣлъ графу В. П. Кочубею отъ 7 окт. 1802 г.

[2]) Тамъ же: письмо Кочубея къ Контеніусу отъ 10 окт. 1802 г.

бингѣ, котораго просилъ, дабы онъ предметъ нашей переписки открылъ только людямъ, довѣренность его заслуживающимъ и объ ономъ не разгласилъ болѣе, какъ необходимость требовать будетъ, отвѣтъ доставилъ бы онъ мнѣ не подъ моимъ, но подъ адресомъ здѣшняго менонитскаго старшины. Когда впредь надобность потребуетъ, чтобы я или здѣшные старшины писали въ Пруссію, то письма, съ надлежащею осмотрительностію писанные, не прямо къ нашему кореспонденту, но каждый разъ подъ кувертомъ иннаго благонадежнаго заграничнаго посредственника ему будутъ доставлены.“ [1])

Прежде чѣмъ приступить къ самому переселенію меннонитовъ въ Россію нужно было предварительно рѣшить три вопроса: 1) о земляхъ для водворенія; 2) объ условіяхъ, на какихъ должно совершиться переселеніе (вопросъ о ссудахъ и кормовыхъ и путевыхъ деньгахъ) и 3) о маршрутѣ и организаціи переѣзда отъ границъ Россіи до мѣстъ водворенія.

Въ началѣ XIX-го столѣтія въ Новороссійскомъ краѣ была еще масса казенныхъ никѣмъ не занятыхъ земель; но лучшія земли, орошаемыя протекающими чрезъ нихъ рѣками и рѣчками, или лежащія по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, почти всѣ уже были розданы; остававшіяся еще въ казенномъ владѣніи земли большею частію представляли собой безводныя степи. Русскіе помѣщики охотно брали у казны эти земли на опредѣленныхъ тогда для ихъ раздачи условіяхъ, и извлекали себѣ изъ нихъ немалыя выгоды. Экспедиція государственнаго хозяйства такъ описывала пріемы эксплуатаціи этихъ земель помѣщиками:

„Получивъ нѣсколько тысячъ десятинъ земли и поселивъ при рѣчкѣ или источникѣ маленькую деревушку, упражняются болѣе въ скотоводствѣ, и отъ того всю прибыль получаютъ; пашутъ же очень мало и то столько, сколько близость мѣстнаго къ водѣ положенія дозволяетъ.“

Селить на такихъ земляхъ меннонитовъ, „которымъ опредѣлена не большая мѣра земли (65 десятинъ) на семейство“, и „которые привыкли болѣе упражняться въ земле-

---

[1]) Архивъ Мин. Землед., № 1934/2252, письмо Контеніуса отъ 31 октября 1802 г. изъ Новороссійска (Екатеринослава).

дѣліи“, экспедиція госуд. хозяйства считала не цѣлесообразнымъ и не выгоднымъ, какъ для нихъ, такъ и для казны, тѣмъ болѣе, что новые колонизаторы края должны были „представить собою образецъ лучшаго хозяйства по своему трудолюбію и образу жизни“.[1])

Отводимыя меннонитамъ земли, по мнѣнію подчиненнаго экспедиціи мѣстнаго органа — новороссійской конторы, должны были удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

1-ое, „находиться въ недалекомъ разстояніи отъ городовъ или портовъ сего (Новороссійскаго) края;

2-ое, имѣть въ своихъ предѣлахъ: здровую рѣчную воду, или примыкать къ таковой, не бугристую, но ровную для хлѣбопашества добротную степь и сѣнокосные луга, или таковыя низменности, которыя бы могли ихъ замѣнить;

3-ie, внутри своего степного пространства имѣть водяные источники;

4-ое, если можно, быть не въ весьма дальнемъ разстояніи отъ рѣки Днѣпра, дабы имѣть удобность къ тому мѣсту доставлять лѣсъ, либо находиться вблизи лѣсныхъ дачъ, что послужитъ сколько для выгоды самихъ иностранцевъ, столько и для ускоренія ихъ водворенія и уменьшенія издержекъ, при доставленіи лѣса чрезъ великое разстояніе „употребиться долженствующихъ“, и, наконецъ,

5-ое, „когда къ симъ качествамъ земли“ присоединится еще „на водахъ, къ ней принадлежащихъ“, произрастаніе камыша, „или будутъ имѣться въ степи кустарники, тогда такой участокъ будетъ со всѣми выгодами, каковыхъ токмо въ степныхъ мѣстахъ желать можно“[2]).

Эти требованія въ свое время, въ письмѣ къ новороссійскому губернатору, Контеніусъ резюмировалъ такимъ образомъ, что для успѣшности колонизаціи необходимъ отводъ меннонитамъ „не такихъ земель, гдѣ бы промышленность была подавляема, но такихъ, гдѣ сама природа споспѣшествовала бы раченію, дабы колонистами при земледѣліи скотоводство, а наипаче овцеводство улучшено, также сады, виноградъ, ленъ, шелкъ

---

[1]) Архивъ Мин. Земледѣлія, № 812/2246, записка „объ отобраніи земли у капитана Вуковича для иностранныхъ поселенцевъ“ отъ 20 іюня 1802 года.

[2]) Рапортъ новоросс. конторы въ экспедицію госуд. хоз. отъ 30 апрѣля 1803 года (Архивъ Мин. Земледѣлія, № 812/2246).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
533397

разводимы, и другіе промыслы удобно отправляемы быть могли". [1])

„Меннониты", вторила новороссійская контора своему главному судьѣ, „извѣстны вездѣ, и даже въ Россіи, своимъ трудолюбіемъ и искусствомъ въ домоводствѣ, потому и нужно имѣть имъ такія мѣста, гдѣ, не имѣя нужды бороться съ натурою, могли бы они быть образцомъ во всѣхъ частяхъ сельскаго хозяйства сосѣдямъ своимъ".

Подходящія земли для водворенія меннонитовъ предполагалось доставить путемъ отчужденія у помѣщиковъ, пріобрѣтенія покупкой у частныхъ лицъ, или отысканія среди казенныхъ пустопорожнихъ. Чтобы не терять напрасно времени ко всѣмъ этимъ способамъ прибѣгли почти одновременно.

Еще 26 мая 1802 года экспедиція госуд. хозяйства предписала главному судьѣ новороссійской конторы Контеніусу снестись съ новороссійскимъ гражданскимъ губернаторомъ „о принятіи на замѣчаніе удобныхъ къ поселенію казенныхъ земель на случай скораго выхода . . . въ Россію новыхъ менонистовъ". Но такъ какъ выясненіе годности этихъ земель могло потребовать значительнаго времени и длительной переписки съ общей администраціей, то рѣшено было, не теряя времени, остановиться сейчасъ же на помѣщичьихъ земляхъ, какъ болѣе извѣстныхъ.

Въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го столѣтій право собственности на землю въ Новороссійскомъ краѣ не отличалось устойчивостью: казенныя земли въ большомъ количествѣ то отдавались тому или другому помѣщику или иностранному выходцу, то отбирались отъ него, то возвращались прежнему владѣльцу, то вторично у него отчуждались. Отчужденіе земель мотивировалось неисполненіемъ со стороны владѣльца условій о заселеніи ихъ, не платежомъ поземельныхъ денегъ, или, наконецъ, прямо соображеніями государственной пользы.

Изъ такихъ часто мѣнявшихъ своего владѣльца земель экспедиція госуд. хозяйства обратила свое вниманіе прежде

---

[1]) Переводъ письма отъ главнаго судьи новороссійской опекунской конторы колл. сов. Контеніуса къ товарищу управляющаго экспедиціею государственнаго хозяйства тайному совѣтнику и кавалеру Габлицу отъ 20 іюня 1802 года (Архивъ Мин. Земледѣлія, № 812/2246).

всего на землю иностраннаго выходца капитана Вуковича, лежавшую въ тираспольскомъ уѣздѣ въ 20-ти верстахъ отъ Одессы между рѣчкой Барабоемъ, оврагомъ Гапаркой, лиманомъ Дальницкимъ и Чернымъ моремъ. Въ 1792-мъ году, при раздачѣ пріобрѣтенныхъ отъ Турціи земель, правителемъ екатеринославской губерніи Каховскимъ этотъ участокъ былъ отданъ названному Вуковичу (тогда поручику) съ тѣмъ, чтобы онъ заселилъ его своими родственниками и другими иностранцами. Имѣющіе быть водворенными поселенцы освобождались отъ податей на 10 лѣтъ, а по истеченіи этого срока обязывались платить въ казну по 5 копеекъ съ десятины; обработанныя ими земли, сады, лѣса должны были оставаться въ вѣчномъ и потомственномъ ихъ владѣніи. Когда въ теченіе 3-хъ лѣтъ Вуковичъ ничего не сдѣлалъ для заселенія отведенной ему земли, въ 1795 году она была отмежевана городу Овидіополю. Въ 1797 году, 14 апрѣля, по распоряженію екатеринославскаго военнаго губернатора Бердяева земля эта была передана греческому дивизіону, который немного спустя, по указу 20-го мая того же года, прекратилъ свое существованіе, и земля осталась безъ владѣльца. Въ слѣдующемъ 1798-мъ году преемникъ Бердяева графъ Каховскій (носившій уже титулъ *новороссійскаго* военнаго губернатора) возбудилъ ходатайство предъ императоромъ Павломъ о возвращеніи ея на прежнихъ условіяхъ первоначальному владѣльцу Вуковичу, который обѣщалъ вывести изъ-за границы до 80-ти семействъ сродниковъ и другихъ иностранцевъ, при чемъ для этихъ послѣднихъ испрашивался на первое время провіантъ и сѣмена для посѣва.

Ходатайство Каховскаго было удовлетворено, и Вуковичъ снова сдѣлался владѣльцемъ огромной площади земли, и опять не выполнилъ своихъ обязательствъ. „Понынѣ“, писала экспедиція гос. хоз. въ своей запискѣ отъ 20 мая 1802 года, „онъ не поселилъ еще никого, а по увѣренію многихъ никогда не будетъ въ состояніи того сдѣлать. На всемъ томъ пространствѣ теперь ничего нѣтъ, кромѣ хутора. Онъ не пашетъ, садовъ не разводитъ, а только коситъ сѣно на продажу. Оставить въ такихъ ненадежныхъ рукахъ столь много земли, въ которой въ тамошнемъ краѣ нуждаются, предосудительно“. Экспедиція предлагала генералъ-прокурору

возбудить ходатайство передъ имп. Александромъ объ отобраніи земли у Вуковича и о назначеніи ея подъ поселеніе если не меннонитовъ, то грековъ, „которые теперь начали выѣзжать изъ Турціи“. Генералъ-прокуроръ съ своей стороны предложилъ экспедиціи собрать дополнительныя свѣдѣнія о землѣ Вуковича. По осмотру послѣдней земскимъ исправникомъ оказалось, что никакихъ построекъ на ней, кромѣ двухъ землянокъ, нѣтъ; въ одной изъ нихъ жилъ племянникъ владѣльца Семенъ Вуковичъ, а въ другой, лежавшей по большой дорогѣ отъ Овидіополя до Одессы, былъ устроенъ шинокъ; никакого хозяйства владѣлецъ не велъ, а ежегодно отдавалъ землю въ наймы постороннимъ людямъ для пастьбы скота и сѣнокошенія; сверхъ того, не платя условленной пошлины по 10 копеекъ съ десятины, онъ задолжалъ казнѣ 1200 рублей, почему земля была описана и назначены опекуны для взысканія недоимки, но послѣдняя до осени 1802 года не была еще пополнена. Почему экспедиція вторично, теперь уже предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ, ходатайствовала объ испрошеніи высочайшаго повелѣнія на отобраніе земли у Вуковича и на выдачу ему „какого-либо приличнаго его состоянію награжденія“.

Озабочиваясь надѣленіемъ землей имѣющихъ прибыть меннонитовъ, имп. Александръ въ рескриптѣ николаевскому военному губернатору Беклешову отъ 28 марта 1803 года предлагалъ провести въ видѣ общей мѣры отобраніе земель у помѣщиковъ Новороссіи, не исполнившихъ своихъ условій, при чемъ земли Вуковича должны были подвергнуться отчужденію въ первую очередь.

„Поелику извѣстно“, говорилось въ рескриптѣ, „что нѣкоторые помѣщики въ Новороссійскихъ губерніяхъ, получивъ земли съ предположеніемъ населить ихъ, донынѣ обязательства сего не исполнили, Я поручаю вамъ немедленно приступить къ изысканію всѣхъ таковыхъ земель, коихъ сроки населенія миновали, а онѣ остались ненаселенными, и, составивъ имъ краткое описаніе, когда и на какомъ основаніи были отданы, представлять Мнѣ о каждой изъ таковыхъ земель по мѣрѣ того, какъ онѣ по изысканію вашему открываться будутъ, дабы можно было, по разсмотрѣніи сихъ свѣдѣній, приступить къ отобранію ихъ въ казну на основаніи принятыхъ и неисполненныхъ владѣлцами ихъ

условій. Въ семъ положеніи можетъ быть земля капитана Вуковича, близъ Одессы лежащая, на которую изъ числа первыхъ обратите вы вниманіе.“

Еще ранѣе намѣчались для переселенія хортицкихъ меннонитовъ другія помѣщичьи земли, подлежавшія отчужденію, какъ незаселенныя ихъ владѣльцами въ назначенный срокъ, или уже отобранныя въ казну „за неплатежъ поземельныхъ денегъ“.

Среди массы „неудобныхъ“ такого рода земель были „найдены только лучшими“ слѣдующія дачи: въ бахмутскомъ уѣздѣ Корсуновка (6500 десятинъ удобной и неудобной земли), принадлежавшая генералъ-лейтенанту Львову, въ елизаветградскомъ—дача генералъ-майора Толстова, въ ольвіопольскомъ—статскаго совѣтника Бакунина и въ маріупольскомъ—прапорщика Чуты, а всего 26450 десятинъ. Но такъ какъ „лучшія участки Корсуновки и отъ Толстова отобранныхъ земель“ находились „еще въ спорѣ“, будучи захвачены сосѣдними помѣщиками Опошнянскимъ (до 800 дес.) и Богаевскимъ (4800 дес.), то Контеніусъ полагалъ, что земли для поселенія меннонитовъ лучше пріобрѣсти покупкою отъ помѣщиковъ: тогда будетъ больше свободы въ выборѣ подходящихъ мѣстъ.

По высочайшему указу 24 іюля 1802 года опытъ такой покупки и былъ сдѣланъ для хортицкихъ меннонитовъ, переселившихся въ Россію при Екатеринѣ II и теперь почувствовавшихъ земельную тѣсноту: для нихъ была куплена у тайнаго совѣтника Миклашевскаго смежная дача, извѣстная подъ именемъ Нижней Хортицы, куда и переведено было 65 меннонитскихъ семей.

„Не лучше ли будетъ“, писалъ передъ этой покупкой Контеніусъ Габлицу (товарищъ управляющаго экспедиціей госуд. хозяйства), „ежели бы казна подъ поселеніе менонистовъ *купила хорошія земли*, какъ напримѣръ княгини Вяземской, или, какъ говорятъ, нынѣ кол. ассесору Штиглицу принадлежащее помѣстье Грушевку, лежащую на Днѣпрѣ, гдѣ много воды, рыбныхъ ловель, лѣсу и плавней находится довольно, и гдѣ болѣе 1000 менонистскихъ семействъ могутъ выгоднымъ образомъ поселиться и отправлять всѣ промыслы, свойственные сему климату“. Положимъ, развивалъ свою мысль Контеніусъ, что „покупка сей земли (безъ живущихъ

на ней крестьянъ, которыхъ помѣщикъ или перевести на другую землю, или продать долженъ) потребуетъ знатной суммы", но этотъ расходъ все же будетъ болѣе производительнымъ, чѣмъ, по затратѣ на каждыя 763 семьи меннонитовъ, согласно условіямъ, милліона или пятисотъ тысячъ рублей, водвореніе ихъ на „негодной или худой" казенной землѣ, гдѣ по „причинѣ ея неспособности, кромѣ скотоводства, посѣву ржи и проса, никакого другого промысла предпріять не можно, такъ что за недостаткомъ плавней, водъ и другихъ выгодъ колонисты принуждены будутъ находиться въ бездѣйствіи и придутъ навсегда въ несостояніе заняться какимъ нибудь полезнымъ и здѣшнему (климату) соотвѣтственнымъ сельскимъ промысломъ, а еще тѣмъ менѣе употребленные на нихъ милліонъ или 500 тысячъ денегъ въ казну возвратить" [1]).

Экспедиція государственнаго хозяйства и на этотъ разъ, готовясь уже принять переселенцевъ изъ за границы, охотно пошла на встрѣчу предложенію Контеніуса, и указомъ 13 апрѣля 1803-го года предписала новороссійской конторѣ, „чтобы она тотчасъ приступила къ сношенію съ г. военнымъ (николаевскимъ) губернаторомъ о покупкѣ для переселяющихся менонистовъ земли". При этомъ контора обязана была объяснить губернатору, сколько именно требуется для нихъ земли „и какія, по мнѣнію ея, должна она имѣть выгоды и положеніе"; если же контора сама „имѣетъ въ виду какой-либо способный для сего участокъ", предписывала экспедиція, „то немедленно имѣетъ ему (военному губернатору) представить для соображенія". Но съ другой стороны экспедиція признавала необходимымъ, чтобы военный и гражданскіе губернаторы въ свою очередъ, „если отыщутъ къ покупкѣ способную для поселенія иностраныхъ землю, предварительно увѣдомили контору съ описаніемъ положенія оной и условій, дабы она потому могла по мѣстному соображенію дать свое мнѣніе, способна ли та земля для такого предположенія, или нѣтъ" [2]).

---

[1]) Архивъ Мин. Землед., № 812/2246: переводъ письма Контеніуса къ Габлицу отъ 20 іюня 1802 г.

[2]) Тамъ же: рапортъ конторы новороссійскихъ иностраныхъ поселенцевъ отъ 30 апрѣля 1803 г.

Въ концѣ концовъ пришлось остановиться на отводѣ подъ водвореніе меннонитовъ казенныхъ земель. Хлопоты по отысканію порожнихъ и удобныхъ казенныхъ земель начались непосредственно по полученіи извѣстій о грядущемъ переселеніи меннонитовъ въ Россію и шли параллельно съ попытками отчужденія и покупки помѣщичьихъ земель. Тогда же по предписанію экспедиціи государственнаго хозяйства главный судья новороссійской конторы Контеніусъ входилъ съ представленіемъ къ екатеринославскому гражданскому губернатору М. П. Миклашевскому объ отводѣ подъ поселеніе меннонитовъ свободныхъ казенныхъ земель, указавъ при этомъ и тѣ условія, которымъ должны были удовлетворять эти послѣднія.

Въ отвѣтъ на представленіе Контеніуса губернаторъ указалъ на два района, какъ удобные для водворенія иностранныхъ выходцевъ вообще и меннонитовъ въ частности: 1) во первыхъ, „участки пустопорозжіе въ херсонскомъ и ольвіопольскомъ уѣздахъ по рѣкамъ Бугу, Висунѣ, Доброй, Гниломъ Еланцѣ, Громоклеѣ и другимъ, составляющіе не малое количество десятинъ, изъ которыхъ сверхъ того, что многіе найдутся удобны къ хлѣбопашеству и сѣнокошенію, имѣютъ при томъ положеніе свое между городами Николаевомъ, Херсономъ и Бериславомъ и 2) во вторыхъ, „казенныя пустопорозжія дачи въ маріупольскомъ уѣздѣ по рѣчкамъ Бердѣ, Молочной и другимъ, въ коихъ числится одной удобной земли двѣсти семьдесятъ семь тысячъ пятьсотъ десятинъ“.

Въ то же время губернаторъ донесъ императору Александру, что онъ признаетъ удобнымъ для поселенія иностранцевъ именно второй районъ—земли по рѣкамъ Бердѣ, Молочной и другимъ.

Результатомъ этого донесенія былъ высочайшій указъ 24 іюля 1802 года, данный экспедиціи государственнаго хозяйства. Указомъ повелѣвалось „отправить отъ опекунской конторы члена для осмотра означенныхъ земель“, и когда найдутся способными къ поселенію, тогда *представить объ отдачѣ части оной округи*, впустѣ лежащей, сколько по разсмотрѣнію конторы *для нынѣшняго и могущаго впредь случиться поселенія* за нужное признается, *въ распоряженіе конторы*“. Для „удобнѣйшаго“ же приведенія этой мѣры

въ исполненіе „высочайше предписано“ было „новороссійскому военному губернатору генералу отъ кавалеріи Михельсону отрядить съ членомъ опекунской конторы одного изъ землемѣровъ, въ вѣдомствѣ губернскаго начальства состоящихъ“.

Въ исполненіе названнаго выше указа экспедиція государственнаго хозяйства 28-го іюля того же года предписала конторѣ отправить товарища главнаго судьи коллежскаго ассесора Писемскаго для осмотра земель по рѣкамъ Бердѣ, Молочной и другимъ, и на основанія такого осмотра представить обстоятельныя свѣдѣнія о степени пригодности этихъ земель, назначивъ изъ числа ихъ „возможное... количество въ свое распоряженіе“.

Отправивъ Писемскаго для осмотра указанныхъ земель по рѣкамъ Бердѣ, Молочной и другимъ, контора одновременно командировала другого своего члена (также въ званіи товарища главнаго судьи) Бригонци для осмотра пустыхъ казенныхъ земель въ херсонскомъ, елисаветградскомъ и ольвіопольскомъ уѣздахъ.

По осмотрѣ всѣхъ порученныхъ ихъ обозрѣнію земель оба товарища главнаго судьи представили имъ описаніе, а Писемскій сверхъ того и планъ, „отряженнымъ съ нимъ землемѣромъ учиненный“.

Изъ осмотрѣнныхъ ими участковъ земли Бригонци признали имѣющимъ „нѣкоторыя удобности къ поселенію“ только одинъ въ 12000 десятинъ, расположенный въ херсонскомъ уѣздѣ и извѣстный подъ именемъ Куракинскаго; относительно же другихъ, указанныхъ гражданскимъ губернаторомъ участковъ онъ отозвался въ томъ смыслѣ, что они „хотя также имѣютъ свои достоинства, но, находясь въ различныхъ мѣстахъ и не въ близкомъ между собою разстояніи, не могутъ составить той удобности, которая бы нужна была, дабы обезпечить поселенцевъ, что труды ихъ и стараніе не будутъ тщетны: можно селиться на нихъ въ крайней нуждѣ . . . .

Людямъ . . . которые должны заниматься хлѣбопашествомъ, принявъ положенное для себя количество земли, и отъ того и пропитаніе свое имѣть, таковыя земли невыгодны“.

Напротивъ, для другого рода переселенцевъ онѣ могутъ быть вполнѣ подходящими и полезными, въ особенности

же для помѣщиковъ, которые, поселивъ небольшое число крестьянскихъ семей въ одномъ удобномъ мѣстѣ, „все прочее пространство земли употребляютъ для пастьбы не только своего, но и чужого по найму скота“.

Съ своей стороны Писемскій по рѣкамъ Бердѣ, Молочной и другимъ нашелъ достаточное количество удобной для колонизаціи земли, не вездѣ однако представлявшей одинаковыя выгоды: „во многихъ мѣстахъ степь“ оказалась „безъ воды“. Два участка по рѣкѣ Молочной въ количествѣ 120.000 десятинъ „призналъ онъ лучшими и выгоднѣйшими“, но эти участки были уже заняты кочующими ногайцами, коимъ отвело ихъ губернское правленіе „взамѣнъ тѣхъ земель, кои отошли отъ нихъ во владѣніе графа Денисова“.

Чтобы сдѣлать возможнымъ водвореніе здѣсь меннонитовъ, Писемскій считалъ нужнымъ принять слѣдующія мѣры: 1) перевести ногайцевъ на другое мѣсто къ ихъ сородичамъ, кочующимъ въ томъ же уѣздѣ;

2) „поправить“ дачу поручика Варламова, проданную секретаршѣ Гранобарской и, наконецъ,

3) снести „хутора, токмацкими поселянами по теченію съ лѣвой стороны рѣчки Токмака построенные“, и вѣтряныя мельницы.

Получивъ сообщеніе Бригонци и Писемскаго и „учинивъ соображеніе по обоимъ симъ препорученіямъ“, новороссійская контора вопросъ о выборѣ мѣста представила „на благоразсмотрѣніе экспедиціи государственнаго хозяйства“; препроводивъ въ нее описаніе осмотрѣнныхъ земель и составленный Писемскимъ планъ. На основаніи этихъ данныхъ экспедиція остановилась на указанномъ Писемскимъ участкѣ при рѣкѣ Молочной и опредѣлила „отнестись къ таврическому губернатору, не можно ли ногайцамъ отвести потребное количество земли изъ другихъ по близости пустопорожжихъ участковъ, кои для кочевья могутъ быть удобны“.

Однако экспедицію госуд. хозяйства мучило сомнѣніе, удастся-ли меннонитамъ благополучно устроиться на этихъ земляхъ и наладить добрыя отношенія къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ—ногайцамъ и русскимъ крестьянамъ, такъ какъ интересы тѣхъ и другихъ задѣвались водвореніемъ иностранныхъ выходцевъ.

„Естьли бы однакожъ положить“, писала экспедиція, „что ногайцы не могутъ быть переведены, то поселеніе тамъ менонистовъ, какъ бы мѣста выгодны ни были, сопряжено съ великою неудобностію для послѣднихъ. Кочующій народъ по привычкѣ своей къ кражѣ скота никогда имъ, людямъ новымъ, обычаевъ тамошняго края не знающимъ и никакихъ способовъ къ предостереженію себя не имѣющимъ, не дастъ имъ покою при самомъ строжайшемъ подтвержденіи о сохраненіи добраго порядка. *Самые россійскіе крестьяне,* по сосѣдству тѣхъ мѣстъ водворенные, бывъ большею частію выходцы изъ заграничныхъ и разныхъ россійскихъ мѣстъ, и *не имѣя правилъ честнымъ и добрымъ людямъ свойственныхъ, подвергнутъ ихъ всегдашней опасности потерять свою собственность.* Экспедиція не можетъ быть надежна, чтобы менонисты, прибыть имѣющіе, могли имѣть въ сей сторонѣ вѣрное спокойствіе, да и опекунская контора не въ состояніи будетъ всегда въ полной мѣрѣ доставлять имъ защиты“.

Хотя экспедиція и высказывала опасенія на счетъ пригодности указанныхъ мѣстъ, но отвѣтственность за выборъ ихъ въ концѣ концовъ должна была пасть не на нее.

Еще при самомъ возбужденіи дѣла о переселеніи меннонитовъ, генералъ-прокуроръ Беклешовъ 9 мая 1802 года предложилъ экспедиціи склонить хортицкихъ меннонитовъ къ избранію изъ своей среды двухъ или трехъ лицъ, которыя явились бы въ роли повѣренныхъ отъ лица переселяющихся заграничныхъ меннонитовъ, какъ бы они на самомъ дѣлѣ были уполномочены этими послѣдними, и взяли на себя отвѣтственность за выборъ для нихъ мѣстъ подъ водвореніе. Эту мѣру генералъ-прокуроръ, руководясь прежнимъ опытомъ, считалъ необходимой въ тѣхъ видахъ, „чтобы по прибытіи новыхъ къ поселенію менонистовъ не произошли между ними неудовольствіе и ропотъ въ разсужденіи невыгодности земли, для водворенія ихъ отъ начальства назначаемой“.[1])

Въ томъ же году назначенныя земли по р. Молочной дѣйствительно были осмотрѣны „отъ лица эльбингскихъ и маріенбургскихъ менонистовъ“ хортицкими довѣренными, а лѣтомъ слѣдующаго 1803 года и нарочно присланными

---

[1]) Архивъ Мин. Земледѣлія, № 812/2246.

изъ Пруссіи депутатами въ числѣ пяти человѣкъ. И тѣ и другіе уполномоченные нашли осмотрѣнныя ими земли въ маріупольскомъ уѣздѣ „для поселенія менонистовъ способными“, а заграничные депутаты возвратились домой въ полной увѣренности, что эти земли непремѣнно и будутъ имъ отведены. Но въ высшихъ правительственныхъ кругахъ долго колебались въ выборѣ мѣста для водворенія меннонитовъ, и еще 28 іюня 1803 года въ высочайшемъ рескриптѣ на имя херсонскаго военнаго губернатора Беклешова 2-го предписывалось, согласно мнѣнію послѣдняго, „землю, для водворенія эльбингскихъ менонистовъ нужную, назначить въ херсонской губерніи изъ участковъ . . . по рѣчкѣ Висунѣ лежащихъ, избравъ удобнѣйшіе изъ нихъ по усмотрѣнію опекунской конторы“; земли же у Молочныхъ Водъ Беклешовъ предполагалъ отвести во владѣніе „депутатамъ отъ славянъ, населяющихъ Черную Гору и область Герцоговинскую, сердарю Минѣ Никшичу и оберъ-воеводѣ Тіоти. Конторѣ новороссійскихъ иностранныхъ поселенцевъ пришлось отстаивать предъ экспедиціей государственнаго хозяйства права меннонитовъ на земли, облюбованныя ихъ депутатами, указывая на недопустимость обмануть ихъ ожиданія. Въ концѣ концовъ земли эти и были избраны мѣстомъ водворенія для прибывающихъ изъ Пруссіи меннонитовъ.[1])

2. Вопросъ объ условіяхъ, на какихъ должно было состояться новое переселеніе меннонитовъ въ Россію, былъ подвергнутъ также довольно продолжительному предварительному обсужденію и составилъ предметъ новыхъ переговоровъ съ ихъ уполномоченными.

Возбуждая ходатайство о разрѣшеніи имъ переселиться въ Россію, меннониты спрашивали, распространяется ли на нихъ дѣйствіе ранѣе пожалованныхъ ихъ единовѣрцамъ привиллегій, „и будетъ ли отпущена просимая ими на водвореніе въ ссуду сумма по примѣру учиненной прежде прибывшимъ ссуды“? Здѣсь въ сущности въ формѣ вопроса они скромно выражали пожеланіе, чтобы ихъ приняли въ Россію

---

[1]) Архивъ Мин. Земледѣлія, № 1934/2252, рапортъ конторы въ экспедицію госуд. хоз. отъ 3 сентября 1803 г.

на основаніи одобренныхъ нѣкогда Потемкинымъ и утвержденныхъ Екатериною II правилъ.[1])

Выработанная новороссійской конторой согласно этимъ пожеланіямъ примѣрная смѣта показала, что переселеніе каждой меннонитской семьи, изчисляемой въ 4 души, обойдется казнѣ въ 1309 рублей 20 копеекъ, а именно:

„на хозяйственное обзаведеніе	500 руб.
„на домъ 120 бревенъ 4-хъ саженныхъ, полагая примѣрно съ поставкою по 3 руб. каждое	360 руб.
„каждому семейству, пожелающему выйти въ Россію, къ дорогѣ и на содержаніе въ оной на каждую душу по 20 руб., а на 4 души	80 руб.
„путевыхъ, кормовыхъ, полагая примѣрно на 3 совершеннолѣтнихъ душъ по 25 коп., а 1 малолѣтную по 12 коп. на 60 дней	52 руб. 20 коп.
„по прибытіи ихъ на мѣсто водворенія кормовыхъ до первой жатвы на каждую душу по 10 коп. въ сутки, — но какъ случалось съ прежде прибывшими и водворенными въ новороссійской губ. колоніями, что они водворить себя въ скоромъ времени не могли, то полагая примѣрно на два года, т. е. на 730 (дней)	292 руб.
„на разныя озимаго и яроваго хлѣба сѣмена, полагая примѣрно одному семейству	25 руб.
Итого . . .	1309 руб. 20 коп.

Сверхъ этого расходъ на постройку мельницъ для всей массы переселяющихся меннонитовъ долженъ былъ составитъ сумму въ 2000 рублей.

Генералъ-прокуроръ Александръ Беклешовъ нашелъ однако утвержденныя Екатериной правила относительно переселенія и водворенія меннонитовъ уже не соотвѣтвующими настоящимъ условіямъ колонизируемаго новороссійскаго края: они „утверждены были . . . императрицей сколько

[1]) См. Гр. Писаревскій. „Изъ исторіи иностр. колонизаціи въ Россіи въ XVIII в.“, 299—304 стр.

въ уваженіе совершенной пустоты того края, когда переселялись, столько же и дабы симъ первымъ примѣромъ возбудить другихъ къ послѣдованію; нынѣ же тотъ край гораздо болѣе противу прежняго населенъ, тамъ находится не малое число ихъ соотчичей, о благосостояніи коихъ заграничные удостовѣрены, не взирая даже на то, что означенные менонисты получили обѣщанную имъ ссуду вовсе не по поставленнымъ правиламъ, а самыми малыми частицами, послужившими токмо къ скудному ихъ прокормленію, а не къ прочному обзаведенію хозяйствомъ; сверхъ того самые тѣ единовѣрцы ихъ могутъ и конечно по правиламъ ихъ нравственности будутъ имъ вспомоществовать въ нуждахъ ихъ.“ Въ виду указанныхъ обстоятельствъ генералъ-прокуроръ 9-го іюля 1802 г. предложилъ экспедиціи госуд. хозяйства „приступить“ съ повѣренными изъ числа хортицкихъ меннонитовъ „къ постановленію буде можно умѣреннѣйшихъ и для казны выгоднѣйшихъ условій, поручивъ рѣшеніе вопроса о размѣрахъ ссуды, какъ и все дѣло переселенія, ближайшему вѣдѣнію главнаго судьи новороссійской конторы Контеніуса.

Послѣдній и самъ понималъ всю чрезмѣрность для казны тратъ на переселеніе меннонитовъ, если держаться при этомъ правилъ, утвержденныхъ при Екатеринѣ II. Поэтому при полученіи первыхъ же извѣстій о желаніи прусскихъ меннонитовъ выселиться въ Россію онъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, „чтобъ казна рѣшилась на принятіе большого числа“ ихъ, „на условіяхъ, съ толь великими издержками соединенныхъ“. Хортицкій форштегеръ отвѣчалъ, что „въ разсужденіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ коихъ прусскіе менонисты нынѣ находятся, вознамѣрившіеся вытти въ Россію довольны будутъ половиною помянутой суммы, или еще и меньшимъ количествомъ, есть ли только найдется подъ поселеніе ихъ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ земли, имѣющей довольно низменностей и воды; въ такомъ случаѣ, полагалъ онъ, что выдутъ въ Россію многіе семейства съ собственными капиталами, не требуя никакого вспомоществованія“. Высказанное имъ мнѣніе форштегеръ просилъ сохранить въ тайнѣ, „дабы не возбудить противъ себя негодованія собратій своихъ“. По этой причинѣ, а равно „для сохраненія“ собственной „довѣренности . . . у менонистовъ“, Контеніусъ въ

свое время не сообщилъ объ этомъ въ донесеніи экспедиціи госуд. хозяйства, а поставилъ ее въ извѣстность о томъ частнымъ письмомъ отъ 20-го іюня 1802 г. на имя тайнаго совѣтника Габлица[1]). Получивъ же предписаніе экспедиціи относительно установленія „умѣреннѣйшихъ и для казны выгоднѣйшихъ условій“ переселенія, Контеніусъ старался войти по этому вопросу въ соглашеніе съ упоминавшимися выше выборными изъ числа хортицкихъ меннонитовъ. Въ подтвержденіе необходимости понизить предъявляемыя переселяющимися меннонитами требованія къ правительству, Контеніусъ ссылался на примѣръ прибывающихъ изъ Румеліи грековъ и болгаръ, расходъ на водвореніе коихъ составляетъ менѣе 300 рублей на семейство, указывалъ на возможность, если меннониты умѣрятъ свои притязанія, сократить расходъ на каждое ихъ семейство болѣе, чѣмъ до одной четвертой части 1309 рублей (стоимость каждой меннонитской семьи прежнихъ выходовъ), „во уваженіе какъ собственнаго ихъ самихъ при возвратѣ оной, такъ и для казны облегченія“. Въ концѣ концовъ Контеніусъ убѣдилъ выборныхъ, что „имѣющихъ прибытъ (меннонитовъ) нужно раздѣлить на три сорта, и назначить: въ 1-мъ вовсе неимущихъ, во 2-мъ среднихъ, требующихъ отъ казны ссуды меньше первыхъ, и въ 3-мъ достаточныхъ, не требующихъ ничего, кромѣ одной земли“. Представленная выборными „самая умѣреннѣйшая“ смѣта опредѣлила расходъ на водвореніе одного бѣднаго семейства (изъ перваго разряда) въ 560 рублей, притомъ однако условіи, что поселеніе меннонитовъ будетъ произведено по берегамъ Днѣпра, „потому что посредствомъ сплава лѣса водою каждое бревно обойдется на мѣстѣ не дороже 3 рублей, а въ случаѣ же разстоянія отъ Днѣпра до 200 и болѣе верстъ потребуется отъ 2-хъ до 3-хъ сотъ рублей больше противъ показанной суммы, ибо тогда уже каждое бревно будетъ стоить отъ 6-ти до 7-ми рублей, а сверхъ того и всѣ земледѣльческія и хозяйственныя потребности въ степныхъ мѣстахъ стоятъ дороже вдвое и болѣе“. При этомъ выборные замѣтили, что они не ручаются, „чтобы всѣ желающіе переселиться могли согласиться на такую умѣренную сумму“.

---

[1]) Товарищъ управляющаго экспедиціей госуд. хозяйства.

Контеніусъ съ своей стороны, принявъ во вниманіе дороговизну лѣса, предложилъ выборнымъ, чтобы они совѣтовали „своимъ соотчичамъ строить домы изъ камня, а гдѣ онаго нѣтъ, то *по малороссійскому образцу мазанковыя хаты*“[1]).

На той точкѣ зрѣнія, что необходимо сообразоваться съ мѣстными условіями и указаніями опыта, а не брать во всемъ за образецъ способы водворенія предшествующихъ меннонитовъ, стояла и экспедиція государственнаго хозяйства. Въ своемъ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею она по этому поводу писала:

„Вообще въ водвореніи и снабденіи ихъ всѣмъ по хозяйству экспедиція не находитъ никакой нужды держаться въ точности тѣхъ условій, какія заключены съ первыми менонистами.

Ссуда, имъ сдѣланная, чрезвычайно велика и только къ отягощенію ихъ послужила. Она простиралась на каждое семейство до 1309 рублей. Изъ данныхъ имъ 120 бревенъ выстроили они очень огромные домы, починка которыхъ современемъ, когда прійдутъ въ ветхостъ, въ безлѣсномъ краѣ потребуетъ весьма великихъ для нихъ издержекъ и сопряжена будетъ съ чрезвычайными затрудненіями.

Вновь выходящіе менонисты могутъ обстроить себя гораздо въ меньшемъ видѣ, *примѣняясь къ обычаямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ водворены будутъ*, что не меньше выгодно и удобно при соблюденіи хорошаго порядка и чистоты“[2]).

Экспедиція надѣялась также на то, что меннониты приведутъ съ собою изъ Пруссіи достаточно скота, а потому ссуды на обзаведеніе имъ „или вовсе не понадобится, или потребуется очень въ маломъ количествѣ“.

Относительно необходимости и возможности уменьшить расходы казны на ссуду и путевыя издержки меннонитовъ, Контеніусъ писалъ въ Пруссію къ ихъ старшинѣ—проповѣднику — Варкентину, и этотъ послѣдній согласился съ тѣмъ,

---

[1]) Архивъ Мин. Земледѣлія, № 1934/2252: представленіе экспедиціи госуд. хоз. министру вн. дѣлъ отъ 7 окт. 1802 г.

[2]) Тамъ же: представленіе экспедиціи отъ 3 апрѣля 1803 года. Приведенная выше выдержка изъ представленія буквально повторяется въ указѣ экспедиціи на имя конторы опек. новорос. ин. поселенцевъ отъ 13 апрѣля того же года (Арх. Мин. Землед., № 812/2246).

что меннониты и „меньшею суммою (сравнительно съ предшествующими выселенцами) могутъ быть довольны, тѣмъ паче, что ближайшимъ трактомъ путь стами милями сократится“[1]).

Всѣмъ прибывшимъ къ русскій границѣ меннонитскимъ семействамъ, съ момента прибытія и до окончанія путешествія къ мѣстамъ водворенія, экспедиція считала необходимымъ производить *кормовыя деньги каждой душѣ мужескаго и женскаго пола свыше 15-ти лѣтъ отъ рода по 25 копеекъ, а ниже 15-ти лѣтъ по 12 копеекъ въ день,* какъ это было установлено при Екатеринѣ II. Производство же *кормовыхъ денегъ на мѣстѣ водворенія* до полученія первой жатвы экспедиція предоставляла усмотрѣнію мѣстной конторы, „предполагая, что на первой случай конечно нужно будетъ *выдавать имъ по 10 копеекъ*, если кто будетъ того требовать, т. е. слѣдовать также нормѣ, установленной при Екатеринѣ“; „но по времени, когда контора доставитъ имъ средства къ пропитанію собственными ихъ работами, какъ то: пряжею и тканьемъ, оное количество можно будетъ и уменьшить“.

По заключеннымъ при Екатеринѣ II условіямъ казна должна была всѣмъ достигшимъ границъ Россіи меннонитамъ „дать достаточное число подводъ и лошадей“ для продолженія путешествія до мѣстъ водворенія. Теперь же экспедиція выражала надежду, что „сіи люди достаточно будутъ имѣть своихъ собственныхъ лошадей и подводъ, на которыхъ, какъ думать должно, и до границы прибудутъ“; расходъ же „на фуражъ лошадямъ и на разныя непредвидимыя надобности въ дорогѣ, на что потребно не болѣе 50-ти рублей на семейство, она полагала принять на счетъ казны.

Не имѣющихъ же собственныхъ подводъ и лошадей меннонитовъ экспедиція проектировала отправлять „на обывательскихъ, по плакату“, лишая ихъ въ этомъ случаѣ выдачи упомянутыхъ выше 50 рублей на „путевыя издержки“; но министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ эту мѣру, „яко заключающую въ себѣ налогъ на обывателей“, не законной,

---

[1]) Архивъ Мин. Землед., № 1934/2252: копія письма отъ меноністовъ старшины и проповѣдника Корнеліуса Варкентина отъ 8/20 октября 1802 года изъ Розенорта близъ Эльбинга.

и полагалъ, что „таковые неимущіе колонисты должны быть препровождаемы на подводахъ вольнонаемныхъ, что̀ и не можетъ вѣроятно составить знатной издержки, особливо есть-ли губернаторы приложатъ попеченіе сдѣлать наемъ сей коль можно умѣреннѣе и давать подводы только для свозу пожитковъ (и для необходимой помощи въ пути малолѣтнимъ“ [1]).

Теперь правительство считало нужнымъ внушать и самимъ меннонитамъ развитую Контеніусомъ въ письмѣ къ Варкентину мысль о томъ, что „чѣмъ меньше будутъ имѣть они на себѣ долгу, тѣмъ будутъ покойнѣе и скорѣе могутъ притти въ хорошее состояніе“.

3. Согласившіеся на вышеозначенныя „умѣреннѣйшія“ условія меннониты должны были направляться изъ Пруссіи въ Гродно. Высшее наблюденіе за ихъ пріемомъ и снаряженіемъ въ дальнѣйшій путь въ предѣлахъ Россіи рескриптомъ императора Александра отъ 28 марта 1803 года возложено было на литовскаго военнаго губернатора барона Бенигсена. Тѣмъ же рескриптомъ ему поручалось:

а) предписать гродненскому гражданскому губернатору, „чтобы колонисты сіи приняты были на границѣ съ знаками попеченія о нихъ и доброжелательства“;

б) съ своей стороны „отрядить особеннаго чиновника, одного или болѣе, для препровожденія ихъ въ Новороссійскій край, снабдивъ его какъ наставленіемъ о нужномъ руководствѣ и покровительствѣ ихъ въ пути, такъ и препорученіями... къ тѣмъ начальникамъ, чрезъ губерніи коихъ проходить они будутъ, чтобъ доставляемы были имъ въ пути въ необходимыхъ случаяхъ удобности и благопризрѣніе“;

в) въ случаѣ нахожденія среди прибывшихъ меннонитовъ семействъ, не могущихъ продолжать пути „безъ денежной помощи“, выдать таковымъ „нужное денежное пособіе“, „поручивъ ихъ особо отряжаемому... чиновнику“; необходимыя же средства „на сей конецъ“ должны быть доставлены экспедиціей государственнаго хозяйства[2]).

При ближайшихъ справкахъ однако оказалось, что экспедиція государственнаго хозяйства „имѣетъ теперь одну только

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Архивъ Мин. Землед., № 812/2246.

штатную сумму на обыкновенныя по вѣдомству ея издержки употребляемую". Ранѣе на водвореніе иностранцевъ она тратила спеціальныя суммы, имѣвшіяся въ ея распоряженіи, а именно — *вексельную*, „которую получала она за печатаніе вексельныхъ листовъ", и такъ называемую *колонистскую*, „которую собирала она съ колонистовъ въ уплату состоящаго на нихъ казеннаго долга". По учрежденіи министерствъ первая изъ этихъ суммъ, „вмѣстѣ съ вексельною частію", отошла въ вѣдомство министерства финансовъ, а вторая, по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, стала „по мѣрѣ вступленія ея" отсылаться „всякій разъ къ общимъ государственнымъ доходамъ". Поэтому на всѣ экстраординарныя издержки по экспедиціи приходилось испрашивать каждый разъ высочайшее повелѣніе. По докладу министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10 апрѣля 1803 года и по „примѣрному изчисленію" экспедиціи высочайше повелѣно было отпустить изъ государственнаго казначейства въ распоряженіе литовскаго военнаго губернатора пятнадцать тысячъ (15000) рублей на расходы по переселенію меннонитовъ[1]). Изъ этой суммы меннониты должны были получать въ Гроднѣ кормовыя деньги впередъ за сорокъ дней, а если бы пробыли въ пути долѣе того, то соотвѣтствующую добавочную сумму имѣла выдать имъ новороссійская контора по прибытіи на мѣста.

Экспедиція государственнаго хозяйства признала необходимымъ въ дѣлѣ отправки меннонитовъ изъ Гродно установить такой порядокъ, чтобы мѣстный губернаторъ отправлялъ ихъ небольшими партіями въ 10 и не болѣе, какъ въ 15 семействъ каждая, „ибо для бо́льшаго числа непремѣнно вездѣ встрѣтится трудность доставать съ выгодою по дорогѣ фуражъ и имѣть квартиры". Но въ такомъ случаѣ „назначенный высочайшимъ къ генералу барону Бенигсену указомъ чиновникъ" не могъ уже „съ надлежащею точностію исполнять могущей предлежать ему обязанности", почему экспедиція признавала наиболѣе подходящимъ „препровождать" меннонитовъ „отъ города до города за надлежащимъ покровительствомъ нѣсколькихъ людей изъ штатныхъ командъ при открытомъ ордерѣ всѣмъ начальникамъ о доставленіи имъ всякой удобности и благопризрѣнія".

[1]) Архивъ Мин. Землед., № 812/2246.

При этомъ экспедиція вмѣняла въ обязанность гродненскому губернатору: 1) извѣщать заблаговременно губернаторовъ тѣхъ губерній, чрезъ которыя будутъ проѣзжать меннониты, дабы они могли съ своей стороны сдѣлать надлежащія предписанія мѣстнымъ властямъ объ оказаніи переселенцамъ „доброжелательства и покровительства“; 2) отсылать въ новороссійскую контору почтою тотчасъ же по отправленіи каждой партіи меннонитовъ „списокъ всѣмъ людямъ, въ оной находящимся, съ означеніемъ ихъ лѣтъ и съ показаніемъ, съ котораго времени начаты кому производиться кормовыя деньги, и что кому выдано, дабы контора могла отмѣчать то въ заводимыхъ бухгалтерскихъ книгахъ“[1]).

Наконецъ, новороссійской конторѣ, на случай если меннониты прибудутъ въ Екатеринославъ „прежде, нежели опредѣлена будетъ для водворенія ихъ земеля“, экспедиція разрѣшила „размѣстить ихъ на квартирахъ между ихъ собратіями“[2]). Такъ русское правительство готовилось къ пріему иноземныхъ гостей въ теченіе почти цѣлаго года.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось за это время въ Пруссіи, какъ налаживалось тамъ выселеніе меннонитовъ.

Два обстоятельства задерживали немедленное выселеніе меннонитовъ изъ Пруссіи: во первыхъ, русское правительство, не будучи готово къ ихъ пріему, само предложило имъ не спѣшить съ выселеніемъ, отложивъ его до слѣдующаго 1803 года, во вторыхъ, меннонитамъ такъ или иначе слѣдовало выяснить свои отношенія къ прусской государственной власти: или добиться отъ нея смягченія королевской декларації отъ 17 декабря 1801 года, или получить разрѣшеніе на выселеніе въ Россію. Прусское правительство съ своей стороны предлагало имъ третій выходъ: поселиться „въ полуденной Пруссіи“ — въ окрестностяхъ Калиша и Гнѣзно — на необработанныхъ еще земляхъ подъ условіемъ освобожденія отъ всѣхъ податей на пять лѣтъ и отъ поставки рекрутъ впредь по новаго указа.

---

[1]) Эти свѣдѣнія губернаторъ равнымъ образомъ обязанъ былъ сообщать и экспедиціи.

[2]) Архивъ Мин. Землед., № 2246, указъ экспедиціи новорос. конторѣ отъ 13 апр. 1803 г.; журналъ экспедиціи отъ 3 апр. 1803 г.; № 1934/2252, представленіе экспедиціи министру вн. д. гр. Кочубею.

Пруссія извлекла изъ меннонитовъ на мѣстахъ ихъ поселенія все, что можно было извлечь полезнаго для культуры страны, а теперь не прочь была воспользоваться ихъ силами для обработки невоздѣланныхъ болотистыхъ пространствъ на присоединенныхъ отъ Польши земляхъ, не налагая однако на себя связующихъ обязательствъ: свобода отъ рекрутчины предлагалась только впредь до новаго королевскаго повелѣнія; о смягченіи же декларації 17 декабря 1801 года прусское правительство не хотѣло и слышать: оно скорѣе готово было „съ сожалѣніемъ согласиться“ на выселеніе меннонитовъ, чѣмъ пойти на эту уступку, полагая, что все равно непримиримые элементы среди меннонитовъ неудовлетворятся никакими уступками, а большинство мало по малу освоится съ новымъ положеніемъ и въ концѣ концовъ согласится отбывать воинскую повинность. При такихъ условіяхъ непримиримымъ меннонитамъ оставался одинъ выходъ: выселеніе въ Россію. „Меннониты“, доносилъ Трефуртъ канцлеру отъ 17/29 іюня 1803 г., „предпочитая большею частію мѣста южныхъ губерній Россіи очень болотистому грунту окрестностей Калиша, остаются при рѣшеніи выйти въ Россію, не смотря на эту явную милость, которую имъ только что предложили, безъ отмѣны однако указа“.

Для выселенія изъ Пруссіи меннонитамъ нужно было получить разрѣшеніе мѣстной государственной власти вмѣстѣ съ соотвѣтствующими паспортами; само русское правительство таковое разрѣшеніе считало conditio sine qua non принятія меннонитовъ въ свое подданство, о чемъ и велѣно было Трефурту поставить послѣднихъ въ извѣстность предписаніемъ отъ 7/21 марта 1803 г. „Я безъ промедленія“, доносилъ Трефуртъ канцлеру отъ 9/21 апрѣля того же года, „сообщилъ меннонитамъ, намѣревающимся водвориться въ Россіи, высочайшее рѣшеніе его величества императора, который даруетъ имъ всемилостивѣйше свободный входъ въ свои предѣлы, *подъ условіемъ, что они сами позаботятся о дозволеніи прусскаго правительства на ихъ выселеніе*“.

Вообще въ дѣлѣ выселенія меннонитовъ изъ Пруссіи русская власть принимала всѣ мѣры предосторожности, чтобы ее какъ-нибудь не заподозрили въ сманиваніи чужихъ подданныхъ. Переселеніе меннонитовъ старались представить дѣломъ мѣстной администраціи Новороссійскаго края, а не

центральнаго правительства; Трефуртъ боялся сноситься касательно меннонитовъ съ гродненскимъ губернаторомъ, дабы, благодаря перлюстраціи на прусской почтѣ, не обнаружилось его участіе въ этомъ дѣлѣ. Но вся эта щепетильность первое время была совершенно излишней. Пруссія нисколько не была въ претензіи отъ предстоящаго выселенія наиболѣе непримиримой части меннонитовъ, и отнюдь не думала ихъ насильно у себя задерживать,—она еще не предвидѣла тѣхъ размѣровъ, которые готово было потомъ принять ихъ выселеніе. На мѣсто готовыхъ выселиться меннонитовъ у нея имѣлся запасъ другихъ поселенцевъ, болѣе подходившихъ къ условіямъ прусской государственности—колонистовъ изъ другихъ областей Германіи, въ особенности съ лѣваго берега Рейна и изъ Виртемберга.

„Тысячи нѣмецкихъ колонистовъ“, доносилъ Трефуртъ канцлеру, „съ лѣваго берега Рейна и главнымъ образомъ изъ Виртембергской области прибываютъ въ Пруссію и отправляются на поселеніе въ Прусскую Силезію для разведенія виноградниковъ (pour y cultiver les vignobles[1]). Ихъ набиралъ спеціально проживавшій съ этою цѣлью въ имперіи прусскій финансовый совѣтникъ. Нѣсколько сотъ семей изъ его набора водворились между прочимъ и въ Западной Пруссіи, въ разстояніи нѣсколькихъ милъ отъ Данцига“.

Колонисты получали земли для воздѣлыванія и дома, построенные иждивеніемъ казны; издержки путешествія возмѣщались имъ въ размѣрѣ двухъ добрыхъ грошей (à raison de deux bons gros) за нѣмецкую милю. За то *дѣти* этихъ переселенцевъ, *родившіеся на прусской территоріи*, подлежали рекрутской повинности, наравнѣ съ прочими подданными короля[2]).

Трефуртъ ясно сознавалъ связь занятой прусскимъ правительствомъ позиціи въ вопросѣ о меннонитахъ съ усиленнымъ притокомъ эмигрантовъ изъ другихъ областей Германіи.

„Депутація менонистовъ“, писалъ онъ въ донесеніи отъ 4/12 сентября 1803 года, „недавно отправилась въ Берлинъ для испрошенія снова уничтоженія королевскаго указа,

---

[1]) Архивъ Мин. Землед., № 812/2246, донесеніе Трефурта отъ 17/29 іюня 1803 г.

[2]) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, донесеніе Трефурта канцлеру отъ 13/25 іюня 1803 г.

столь для ихъ общества пагубнаго, но неизвѣстно, согласится ли Берлинскій дворъ удовлетворить ихъ просьбу, видя. что ихъ выходъ достаточно замѣняется большимъ числомъ колонистовъ, вышедшихъ въ Пруссію изъ южной Германіи“[1]).

И такъ для нежелавшихъ примириться съ новыми порядками меннонитовъ пока оставался одинъ выходъ — переселеніе въ Россію. Но не всѣ изъ нихъ рѣшались пуститься въ дальній путь—„въ полуденныя губерніи“ Россіи: нѣкоторые не прочь были поселиться поближе къ прусской границѣ, а именно въ литовскихъ губерніяхъ. Но колонизація Литвы меннонитами не входила въ планы русскаго правительства; поэтому подъ предлогомъ, что въ Литвѣ нѣтъ удобныхъ для ихъ водворенія казенныхъ земель, рѣшено было отклонить меннонитовъ отъ эгого намѣренія, объявивъ, что все, на что они могутъ тамъ расчитывать, — это водвореніе на частныхъ помѣщичьихъ земляхъ на основаніи особыхъ договорныхъ условій, заключенныхъ съ ихъ владѣльцами. Трефурту въ этомъ смыслѣ дано было соотвѣтствующее предписаніе, и ему удалось добиться того, что всѣ готовившіеся къ выселенію изъ Пруссіи меннониты выразили свое согласіе на водвореніе въ Новороссіи[2]).

Чтобы ослабить овладѣвшую частью меннонитовъ горячку выселенія, прусское правительство обставило полученіе увольнительныхъ паспортовъ довольно тяжелыми условіями: меннониты должны были отдать въ казну десятую часть ихъ движимаго и недвижимаго имѣнія (la dîme de leur bien meuble et immeuble), а при продажѣ земли въ сущности потерять половину своего состоянія. „Участь ихъ (меннонитовъ) довольно уже здѣсь плачевна“, писалъ Трефуртъ гродненскому губернатору Ланскому, „потерею половины ихъ имущества при продажѣ ихъ земли и отдачею въ казну десятой части ихъ движимаго и недвижимаго имѣнія“[3]).

---

[1]) Архивъ Мин. Землед., № 1934/2252, переводъ донесенія генеральнаго консула Трефурта къ государственному канцлеру изъ Данцига отъ 7/19 сентября 1803 г.

[2]) Архивъ Мин. Землед., № 2252, отношеніе графа Кочубея къ канцлеру графу Л. Р. Воронцову отъ 10 марта 1803 г.; донесеніе Трефурта канцлеру отъ 9/21 апр. 1803 г.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., копія съ письма консула Трефурта къ литовско-гродненскому гражданскому губернатору Ланскому отъ 4/16 іюля 1803 г.

Но эти мѣры не останавливали меннонитовъ въ ихъ намѣреніи выселиться изъ Пруссіи, чему не мало способствовалъ своими проповѣдями ихъ пасторъ изъ окрестностей Эльбинга Варкентинъ, по отзыву Трефурта „заслуживающій всякаго уваженія и имѣющій большое довѣріе у прихожанъ своихъ“. Онъ стоялъ во главѣ депутаціи, отправившейся въ Берлинъ хлопотать объ отмѣнѣ ограничительнаго указа (декларацiи), и въ то же время находился въ перепискѣ съ Контеніусомъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ Трефуртомъ, которому обѣщалъ „присоединиться къ своимъ соотчичамъ въ Россіи“. Намѣреваясь и впредь пользоваться вліяніемъ Варкентина въ дѣлѣ выселенія меннонитовъ въ Россію, Трефуртъ рекомендовалъ его „въ милость и покровительство“ императора Александра и ходатайствовалъ о награжденіи золотой медалью, выбитой въ память коронованія государя.

Готовившіеся къ переселенію меннониты заблаговременно начали ликвидировать свои имущественныя отношенія, но только лѣтомъ 1803 года прусское правительство стало выдавать имъ увольнительные паспорты; съ этого же времени началось и движеніе меннонитскихъ транспортовъ въ предѣлы Россіи, о чемъ узнаемъ изъ донесеній Трефурта канцлеру:

„Донынѣ,“ писалъ Трефуртъ канцлеру, „нѣсколько только человѣкъ получили себѣ отъ здѣшняго правительства на пропускъ за границу паспорта, кои и отправились уже въ Россію, между тѣмъ какъ большая часть оныхъ ожидаютъ еще таковыхъ паспортовъ“ (Донесеніе отъ 17/29 іюня[1]).

„Меннониты, вознамѣрившіеся водвориться въ южныхъ областяхъ Россіи, получили въ настоящее время по приказанію короля требуемые паспорты, такъ что девяносто одно (91) семейство изъ окрестностей Эльбинга и Маріенбурга только что направились уже къ русской границѣ“ ... (Донесеніе отъ 13/25 іюля[2]).

„Поелику менонисты получили уже отъ прусскаго правительства позволеніе поселиться въ Россіи, то я спѣшу

---

[1]) Архивъ Мин. Землед., № 812/2246, переводъ съ донесенія Трефурта отъ 17/22 іюня 1803 г.

[2]) Московск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, II, 1, о поселеніи въ Россіи прусскихъ менонистовъ, донесеніе Трефурта отъ 13/25 іюля 1803 г.

извѣстить ваше сіятельство, что 148 семействъ изъ нихъ и отправились уже въ дорогу и именно въ Гродно, заплатя здѣсь десятую часть движимаго и недвижимаго ихъ имѣнія". (Донесеніе отъ 27 іюля/8 августа[1]).

Отношеніемъ отъ 10 ноября 1803 года графъ Кочубей извѣщалъ графа Н. П. Румянцева, что въ Россію выѣхало уже чрезъ Гродно 162 семейства меннонитовъ[2]).

Эмиграція меннонитовъ, принявшая неожиданные для прусскаго правительства размѣры, заставила наконецъ послѣднее пойти на уступку: декларація 1801 года касательно ихъ (La Déclaration de 1801 a leur égard) была смягчена (mitigée), и „король всемилостивѣйшее избавилъ меннонитовъ отъ обязанности доставлять рекрутъ" (le Roi ait très gracieusement dispensé les ménonites des obligations de fournir des recrues); такимъ образомъ хлопоты меннонитской депутаціи до извѣстной степени увѣнчались успѣхомъ, и проповѣдникъ Варкентинъ, возвратившись изъ Берлина, „перемѣнилъ свое мнѣніе" и началъ „проповѣдывать противъ эмиграціи".

Противъ желающихъ выселиться, по приказанію изъ Берлина, были приняты и другія мѣры воздѣйствія.

„Должностныя лица и въ особенности прусскія судебныя мѣста, къ которымъ меннониты, намѣревающіеся выселиться изъ отечества, обязаны адресоваться, чтобы имѣть паспорты", доносилъ Трефуртъ министру иностранныхъ дѣлъ кн. Чарторыскому, „употребляютъ равномѣрно всѣ имѣющіяся въ ихъ власти средства, чтобы отвратить таковыхъ отъ намѣренія выселиться; они имѣютъ даже приказаніе дѣлать это и отлагать разрѣшеніе какъ можно дольше".

Трефуртъ полагалъ, что эти мѣры не достигнутъ цѣли. „Нѣтъ нужды", писалъ онъ въ томъ же донесеніи (отъ 4/16 апрѣля 1804 года), „энтузіазмъ, который одушевляетъ этихъ людей по отношенію къ августѣйшему монарху всероссійскому, восторжествуетъ и преодолѣетъ вѣроятно препоны, какія ставятъ выселенію изъ отечества класса людей, коихъ пріобрѣтеніе должно быть тѣмъ болѣе выгоднымъ для Россіи, что ихъ честность, равно какъ ихъ полезность, общепризнаны.

---

[1]) Архивъ Мин. Землед., № 1934/2252, письмо генеральнаго консула коллежс. сов. Трефурта изъ Данцига отъ 27 іюля/8 авг. 1803 г. (Переводъ).

[2]) Тамъ же.

Я льщу себя (надеждою) почти всѣхъ ихъ побудить къ поселенію въ окрестностяхъ Екатеринослава".

Ни смягченіе декларації 1801 г., ни ограничительныя и запретительныя мѣры противъ меннонитской эмиграціи дѣйствительно пока не достигли цѣли, но причиною того былъ не энтузіазмъ, внушаемый меннонитамъ русскимъ императоромъ, какъ это хорошо сознавалъ и самъ Трефуртъ, а то безвыходное положеніе, въ какое поставила ихъ первоначально непримиримая позиція, занятая прусскимъ правительствомъ въ ихъ дѣлѣ. Подъ вліяніемъ ея многіе меннониты уже успѣли ликвидировать свои имущественныя отношенія въ Пруссіи, и для нихъ не было иного выхода, кромѣ эмиграціи, если они не хотѣли окончательно разориться. Сообщая въ донесеніи отъ 31 марта/12 апрѣля 1804 г. объ избавленіи меннонитовъ отъ поставки рекрутъ, Трефуртъ писалъ: „однако здѣсь есть еще множество ихъ (меннонитовъ), кои заранѣе не только продали уже свои земли, но произвели даже уплату десятины, чтобы отправиться въ Россію. Значительный убытокъ, который въ томъ необходимо послѣдовалъ бы для этихъ послѣднихъ, если-бы они остались здѣсь, не позволяетъ имъ иного выбора, какъ соединиться съ ихъ соотечественниками въ Россіи"[1]).

Само прусское правительство сознавало всю затруднительность положенія этой категоріи меннонитовъ, и съ іюня 1804 года возобновило выдачу паспортовъ желающихъ выселиться.

„Спѣшу я донести вашему сіятельству", писалъ Трефуртъ графу Кочубею отъ 13/25 іюня этого года, „что прусское правительство уже начало давать пашпорты менонистовъ выходцамъ по взятіи съ нихъ десятой доли имѣнія; число оныхъ, по моимъ извѣстіямъ, можетъ простираться до 300 и болѣе семействъ"...

Чтобы умѣрить эмиграціонную горячку среди меннонитовъ и удержать тѣхъ изъ нихъ, кто не распродалъ еще своихъ земель и прочаго имущества, были пущены слухи о печальной участи, ожидающей эмигрантовъ въ Россіи.

„Не могу умолчать", писалъ Трефуртъ въ томъ же донесеніи графу Кочубею, „чтобъ не извѣстить еще ваше

---

[1]) Моск. Главн. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, II, 1, № 1-й „О поселеніи въ Россіи прусскихъ менонистовъ"...

сіятельство о разныхъ мѣрахъ, которые здѣсь употребляютъ, дабы менонистовъ удержать, тѣмъ болѣе, что нынѣ отправляются по большой части самые богатые, имѣющіе до пяти, до шести и болѣе тысячъ червонныхъ имѣнія, а имянно: роспустили на сей конецъ весьма вредные слухи, будто бы въ новороссійскихъ губерніяхъ климатъ очень нездоровый, что отведенныя менонистамъ мѣста, лежащія по рѣкѣ Малошнѣ (Молочной) близь Азовскаго моря, принадлежатъ татарскимъ князьямъ въ собственность, и что по сему обстоятельству менонисты подвержены большой опасности отъ нападенія татаръ; что отсюда переселившіеся въ прошломъ (1803) году менонисты принуждены еще до сихъ поръ, по невзятію надлежащихъ мѣръ для ихъ пребыванія (водворенія), жить въ Хортицѣ къ крайнему ихъ разоренію и разстройству“.

Трефуртъ, какъ умѣлъ, опровергалъ „сіи вредные“, но имѣвшіе нѣкоторое основаніе слухи. Онъ указывалъ на то, что климатъ Новороссійскаго края здоровый, земля весьма плодородная, для совершенной же безопасности его „поселянъ“ къ войскамъ добавлено большое количество земской полиціи; „а что здѣланы были уже предварительно наилутчія и скорѣйшія распоряженіи для отведенія имъ земли и для доставленія имъ лѣсу на выстройку домовъ и протчая“, наставлялъ Трефуртъ меннонитовъ, „служитъ доказательствомъ производство въ надворные совѣтники помощника достойнаго коллежскаго совѣтника г-на Контеніуса; наконецъ... высочайшій указъ... генералъ-губернатору литовскому о взятіи надлежащихъ мѣръ для принятія въ Гроднѣ и препровожденія тѣхъ менонистовъ съ знаками попеченія и доброжелательства послужитъ имъ въ наилутчее доказательство и въ опроверженіе всѣхъ злоумышленныхъ слуховъ“[1]).

Наивная аргументація въ томъ духѣ, что разъ приказанія свыше отданы, то слѣдовательно и исполнены, что если чиновникъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, то значитъ въ его вѣдомствѣ все благополучно, могла имѣть сама по себѣ нѣкоторый успѣхъ среди меннонитовъ, привыкшихъ къ

---

[1]) Архивъ Мин. Землед., № 2060/2302, „О переселеніи енонитовъ изъ Пруссіи въ Новороссійскій край“; черновикъ перевода означеннаго донесенія имѣется также въ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ II, 1, № 1: „О поселеніи въ Россіи прусскихъ менонистовъ“.

строго размѣренному, точному и аккуратному дѣйствію прусскаго бюрократическаго механизма; но центръ тяжести былъ не въ ней, а въ томъ, что порвавшимъ всѣ имущественныя связи съ родиной не было другого выхода, кромѣ эмиграціи, а за этими послѣдними могли пойти и всѣ связанные съ ними разнаго рода узами, хотя и не продавшіе еще своихъ имуществъ.

Эмиграція въ Россію возобновилась немедленно, какъ только прусское правительство перестало задерживать выдачу паспортовъ. Въ іюлѣ 1804 года число выселившихся составило 90 семей (501 душа). „Такъ какъ выселеніе меннонитовъ все продолжается“, доносилъ Трефуртъ кн. Чарторыскому отъ 3/15 іюля этого года, „то я имѣю возможность ежедневно раздавать имъ паспорты... имущество, которое они увозятъ съ собою отсюда, считая все, какъ въ деньгахъ, такъ и въ товарахъ, исчислено по свидѣтельствамъ и другимъ документамъ приблизительно въ 100.00 прусскихъ талеровъ“. Въ другомъ донесеніи (отъ 22 іюня/4 іюля) Трефуртъ сообщалъ, что „многіе изъ этихъ меннонитовъ увозятъ съ собою сверхъ того скотъ очень хорошей породы, какъ то коровъ, овецъ и проч.“.

Въ августѣ того же года отправилось въ Россію еще 76 семей (401 душа), увозя съ собою по оффиціальнымъ даннымъ имущества на 112.719 прусскихъ талеровъ, въ дѣйствительности же, какъ и ихъ предшественники, на сумму значительно бо́льшую[1]). Дѣло въ томъ, что прусское правительство, какъ выше было упомянуто, обложило эмигрантовъ тяжелымъ налогомъ въ размѣрѣ одной десятой вывозимаго имущества. Этого испытанія не выдержала пресловутая меннонитская честность, и большая часть семей „согласилась между собою объявить только половину или третью часть настоящаго ихъ имѣнія“[2]).

„Я смѣю прямо увѣрить ваше сіятельство“, доносилъ Трефуртъ министру иностранныхъ дѣлъ, „что сумма звонкой монеты, которую увозятъ меннониты, недавно выѣхавшіе въ Россію, свыше 100.000 червонцевъ, слѣдовательно много болѣе, чѣмъ показываютъ данныя списковъ, извлеченныя изъ сви-

---

[1]) Москов. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

[2]) Архивъ Мин. Землед., № 2060/2302, донесеніе Трефурта гр. Кочубею отъ 13/25 іюня 1804 г.

дѣтельствъ каждаго... Напримѣръ, меннонитъ Клаасъ Винеръ, будучи внесенъ въ мой первый списокъ съ 8680 прусскими талерами, увозитъ по увѣренію пастора Варкентина, 10.000 червонцевъ. Очевидно, что водворенія, формируемыя изъ такихъ колонистовъ могутъ быть только чрезвычайно выгодными для имперіи“[1]).

За первыми болѣе крупными транспортами меннонитовъ[2]) послѣдовали отправленія мелкими партіями. Въ началѣ сентября Трефуртъ отправилъ въ Россію три семейства меннонитовъ въ числѣ 28 душъ. Еще ранѣе 2-го августа по новому стилю отправилось 11 семействъ меннонитовъ изъ Швеца (Schwetz); въ октябрѣ за ними оттуда же послѣдовали еще 7 семействъ. Эти послѣднія 18 семействъ изъ Швеца принадлежали къ особому меннонитскому толку и среди прочихъ меннонитовъ были извѣстны подъ именемъ *старыхъ фламандцевъ*. Въ донесеніи кн. Чарторыскому отъ 31 марта/12 апрѣля 1804 года Трефуртъ сообщалъ слѣдующія свѣдѣнія о меннонитахъ этого толка: „Между (меннонитами) готовыми къ отъѣзду и снабженными на сей предметъ королевскимъ позволеніемъ здѣсь есть также нѣсколько семействъ таковыхъ изъ дерени Езёрки (Jeziorken) близь Швеца, меннонитовъ необычайнаго закала, т. е. такихъ, кои, отличаясь крайней строгостью нравовъ и рачительной приверженностью къ завѣтамъ своего перваго основателя Менно, различаются отъ другихъ тайной вечерей или умовеніемъ ногъ, причащаясь на страстной недѣлѣ, и своимъ костюмомъ.

Эти люди, большею частію ткачи, не желая легко сближаться съ современными меннонитами,— это такъ они называютъ другихъ,— твердо стоятъ на томъ, чтобы идти въ Острогъ на Волыни, дабы тамъ соединиться съ таковыми же ихъ вѣроисповѣданія, стараго толка; они мирятся даже съ тѣмъ, въ случаѣ если бы корона не имѣла для раздачи имъ земель на Волыни, чтобы заключить особливые контракты съ тѣми, которые имѣютъ староства въ арендѣ, лишь бы нашъ августѣйшій дворъ благоволилъ вознаградить имъ путевыя издержки“.

---

[1]) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, донесеніе Трефурта кн. Чарторыскому отъ 23 августа 4 сентября 1804 г.

[2]) Отправленіе ихъ слѣдовало въ такомъ порядкѣ: 30+60+76 семей.

Трефуртъ убѣдилъ ихъ отказаться отъ мысли о водвореніи на Волыни и направиться въ Новороссійскій край[1]).

Препятствія, которыя ставились прусскимъ правительствомъ къ выселенію меннонитовъ, какъ будто еще сильнѣе подогрѣвали среди нихъ движеніе въ пользу эмиграціи. Не смотря на сдѣланныя уступки и неблагопріятные слухи о положеніи въ Россіи только что переселившихся туда ихъ единовѣрцевъ, среди меннонитовъ нашлись охотники эмигрировать и изъ числа тѣхъ, кои еще не приступали къ ликвидаціи своихъ имущественныхъ отношеній. Въ своихъ донесеніяхъ отъ 23 августа/4 сентября и 11/23 октября 1804 года Трефуртъ писалъ кн. Чарторыскому объ этой категоріи меннонитовъ:

„Много семействъ вынуждены отложить до будущаго года свое отправленіе въ Россію, не успѣвъ сбыть съ рукъ своихъ недвижимыхъ имѣній и не получивъ еще паспортовъ на выселеніе. Не смотря на всѣ уловки, которыя употребляютъ здѣсь, чтобы ихъ удержать, однако лишь немногія семьи до настоящаго времени перемѣнили рѣшеніе, совершенно покинувъ проектъ эмиграціи“.

„Въ окрестностяхъ Эльбинга, Маріенбурга и Данцига есть еще нѣкоторые число такихъ, кои разсчитываютъ выселиться въ будущемъ году, если только получатъ позволеніе отъ прусскаго правительства, ибо относительно богатыхъ колонистовъ положительно существуетъ секретное запрещеніе выпускать ихъ изъ страны. Эти послѣдніе находятъ однако средство обойти означенное запрещеніе“.

Кромѣ того, сверхъ упомянутыхъ выше 18 семей „старыхъ фламандцевъ“, еще отъ 50-ти до 60-ти семействъ меннонитовъ этого толка готовились къ переселенію въ Новороссійскій край въ будущемъ 1805-мъ году[2]).

Весной 1805 года „достойный пасторъ“ Варкентинъ дѣйствительно увѣдомилъ Трефурта о предстоящемъ возобновленіи меннонитской эмиграціи въ Россію.

„По истинѣ отеческая заботливость, съ какой принимаютъ у насъ этихъ земледѣльцевъ“, писалъ Трефуртъ кн. Чарто-

---

[1]) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д., донесеніе Трефурта кн. Чарторыскому отъ 11/23 октября 1804 г.

[2]) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д., донесенія Трефурта отъ 23 августа/4 сентября и 11/23 октября 1804 г.

рыскому отъ 1/13 мая этого года, „является могущественнымъ стимуломъ ободренія для тѣхъ, которые еще желаютъ перемѣнить свое мѣстопребываніе. Пасторъ В(аркентинъ) сообщилъ мнѣ о восьми семействахъ, готовыхъ выселиться, изъ коихъ трое владѣютъ вмѣстѣ состояніемъ въ 13.500 прусскихъ талеровъ наличными деньгами“.

3/15 іюня Трефуртъ увѣдомилъ министра иностранныхъ дѣлъ объ отправленіи имъ въ Екатеринославъ 6-ти меннонитскихъ семействъ, „снабженныхъ весьма хорошими аттестатами со стороны ихъ прихода“ и получившихъ разрѣшеніе на выселеніе еще въ предшествовавшемъ году. За ними послѣдовало въ Россію еще 9 семей, получившихъ разрѣшеніе на выселеніе уже въ 1805 году. Эти 15 семей, въ числѣ 98 человѣкъ, увозили съ собой въ Россію 23.528 прусскихъ талеровъ.

Въ депешѣ отъ 9/21 августа Трефуртъ сообщалъ объ отправленіи имъ въ Россію еще шести (6) семействъ, владѣющихъ суммой въ 11.000 прусскихъ талеровъ. Но видимо источникъ эмиграціи уже изсякалъ, и въ депешѣ отъ 20 іюля/1 августа Трефуртъ писалъ: „кажется, что эмиграція этихъ земледѣльцевъ, столь цѣнныхъ для Россіи, приходитъ къ своему концу“.

Причиной сокращенія эмиграціи отчасти являлись тѣ препоны, какія ставило ей прусское правительство, отчасти неблагопріятные слухи о положеніи въ Россіи только что перебравшихся въ нее меннонитовъ.

Въ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ отъ 14/26 іюня Трефуртъ сообщалъ, что „отъ 40 до 50 семействъ меннонистовъ, по большей части очень зажиточныхъ какъ деньгами, такъ и голландскими коровами и баранами хорошей породы, около восьми или девяти мѣсяцевъ ожидаютъ себѣ пашпортовъ на выходъ въ Россію, но правительство Западной Пруссіи, по секретному повелѣнію двора, удерживаетъ ихъ, стараясь всѣми возможными способами или отвратить ихъ отъ ихъ предпріятія, или, въ случаѣ естьли останутся непреклонными, изубыточить ихъ проволочкою и количествомъ напрасныхъ издержекъ до того, чтобъ, кромѣ вычета десятой части, потеряли они половину своего имѣнія прежде, нежели получатъ позволеніе на выходъ“. Такое поведеніе прусскаго правительства наше министерство внутреннихъ

дѣлъ квалифицировало какъ „поступокъ явно несправедливый и, естьли можно сказать, отвратительный“.

Среди хлопотъ по отправленію мелкихъ транспортовъ меннонитовъ, лѣтомъ 1805 года Трефуртъ сообщилъ своему правительству слухъ, переданный ему пасторомъ Варкентиномъ, но исходившій отъ президента эльбингскаго магистрата Бейма, братъ коего служилъ при прусскомъ королѣ, „что многія фамиліи изъ вышедшихъ уже въ Россію менонистовъ, по причинѣ неудовольствія, возвратятся въ Пруссію, и что сверхъ того выходъ менонистскихъ семействъ скоро вовсе запрещенъ будетъ прусскимъ правительствомъ по убѣжденію двора о весьма ощутительной потерѣ, причиняемой той странѣ выходомъ таковыхъ земледѣльцевъ“.

При этомъ Трефуртъ выразилъ сомнѣніе въ справедливости переданнаго слуха, „судя по желанію и охотѣ, оказываемой тѣми, кои даже и теперь отправляются въ Россію, дабы раздѣлить тамо счастливую участь своихъ соотечественниковъ“; въ данный моментъ у него было пять семействъ, готовыхъ отправиться въ Россію, но онъ надѣялся, „что они не послѣдніе отправятся, естьли только король въ самомъ дѣлѣ не разсудитъ вовсе запретить выходъ сихъ богатыхъ и полезныхъ земледѣльцовъ, коихъ знатное уже пріобрѣтеніе конечно будетъ новымъ источникомъ благосостояія той части Россіи (Новороссійскій край), гдѣ столь нужно умноженіе земледѣльческихъ рукъ“[1]). Донесеніе Трефурта, доложенное министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратило на себя серьезное вниманіе императора Александра, и онъ приказалъ съ нарочнымъ сообщить о немъ одесскому военному губернатору герцогу Ришелье и потребовать отъ послѣдняго свѣдѣній, „имѣетъ ли сіе извѣстіе какое основаніе“?[2]).

„Государь императоръ“, писалъ герцогу министръ внутреннихъ дѣлъ, „хотя признать изволилъ, что слухи сіи должны конечно быть неосновательны, однакожъ, обращая

---

[1]) Архивъ Мин. Землед., № 2156/2330 „Дѣло по письму генеральнаго консула въ Гданскѣ ст. сов. Трефурта о приготовляющихся изъ Пруссіи къ выходу для поселенія въ Россію менонистахъ. 1-го іюня 1805 г., кончено 10 ноября 1805 г.“.

[2]) Тамъ же, отношеніе графа Кочубея одесскому военному губернатору Эммануилу Осиповичу Дюку Ришелье отъ 16 іюля 1805 г.

всегда особенное вниманіе на жребій людей, въ Россію переселяющихся, а наипаче на менонистовъ, толикую пользу приносящихъ, высочайше указать мнѣ изволилъ... чтобъ Вы, милостивый государь мой, поручили прилежнѣе удостовѣриться, нѣтъ ли подлинно какихъ неудовольствій менонистовъ, и не имѣютъ ли упомянутыя разглашенія какого-либо основанія... я купно имѣю обязанность увѣдомить Васъ, что его величеству угодно, дабы Вы... всевозможное стараніе обратили на то, чтобъ менонисты ни въ чемъ не имѣли недостатку, и чтобъ попеченіемъ о нихъ правительства въ полной мѣрѣ удостовѣрились они о желаніи его всѣми способами содѣйствовать ихъ благоденствію".

Меннонитская колонизація на Молочныхъ Водахъ находилась въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ и его мѣстнаго органа—конторы новороссійскихъ иностранныхъ поселенцевъ, а посему порученіе, возложенное на Ришелье волею императора, ставило его въ довольно щекотливое положеніе, но герцогъ умѣло вышелъ изъ него. Онъ отвѣтилъ министру внутреннихъ дѣлъ въ томъ смыслѣ, что *колоніи*, въ распоряженіе коихъ онъ не входитъ, какъ-то въ Крыму и *на Молочныхъ Водахъ, находятся въ хорошемъ положеніи, но его колоніи*, не смотря на всѣ труды и старанія, подвержены безпрерывно болѣзнямъ *и не имѣютъ желаемаго успѣха;* въ хорошемъ положеніи колоній на Молочной и въ заботахъ о нихъ конторы онъ убѣдился еще весною, „осматривая лично... водворенія менонистовъ... и входя въ подробность ихъ положенія". По полученіи же отношенія министра съ изложеніемъ высочайшей воли онъ поручилъ разслѣдовать дѣло главному судьѣ конторы Контеніусу, т. е. лицу, на которое пала бы вся отвѣтственность, если бы слухъ о справедливомъ недовольствѣ меннонитовъ своей участью въ Россіи подтвердился. Результаты разслѣдованія получились такіе, какихъ и слѣдовало ожидать, хотя самаго факта существованія недовольства все же не удалось скрыть. „По сему обстоятельству", писалъ Ришелье министру внутреннихъ дѣлъ, получилъ я отъ него (Контеніуса) донесеніе, что понынѣ одинъ только менонистъ объявилъ желаніе возвратиться въ Пруссію, и то по причинѣ доставшагося ему наслѣдства. Впрочемъ никакихъ слѣдовъ раскаянія объ оставленіи ими своего отечества не видно, хотя и *чув-*

ствуютъ они трудность, сопряженную съ водвореніемъ въ мѣстахъ степныхъ и безлѣсныхъ.

„Г-нъ Контеніусъ полагаетъ, что тѣ изъ нихъ, которые затѣвали купить за милліонъ рублей имѣніе г-на Розянки, именуемое Волненька, не имѣя на сіе столько денегъ и льстясь надеждою получить оное пособіемъ казны, обнадеживали въ томъ перепискою своихъ заграничныхъ собратій, но, получивши неудачу, съ неудовольствіемъ о томъ къ нимъ отозвались“[1]).

Одною изъ причинъ, питавшихъ недовольство меннонитовъ, только что переселившихся въ Новороссійскій край, было отсутствіе лѣса. Они не хотѣли и не умѣли строить зданій въ родѣ малороссійскихъ мазанокъ, и полагали, что мѣстная русская власть должна ихъ снабдить лѣсомъ на первое обзаведеніе. какъ это было сдѣлано по отношенію къ ихъ единовѣрцамъ при Екатеринѣ II. Къ тому же у нихъ предъ глазами былъ примѣръ прусскаго правительства, которое своихъ колонистовъ изъ Виртемберга снабжало лѣсомъ даже безъ всякаго взысканія съ нихъ за то денегъ впослѣдствіи. Въ одномъ изъ своихъ донесеній въ министерство внутреннихъ дѣлъ[2]), Трефуртъ по этому поводу писалъ: „Одно, чѣмъ менонисты кажутся быть недовольными въ Россіи, есть совершенной недостатокъ лѣса въ томъ краѣ, гдѣ они водворены. *Въ Пруссіи*, гдѣ конечно лѣса гораздо меньше, рѣдокъ, *корона снабжаетъ новыхъ колонистовъ изъ Виртемберга* всѣмъ нужнымъ на первое ихъ обзаведеніе *лѣсомъ безъ всякаго взысканія.* Всѣмъ *менонистамъ дается ссуда на построеніе домовъ съ возвратомъ*“.

Возникали и другого рода недоразумѣнія и шероховатости во взаимныхъ отношеніяхъ между русскимъ правительствомъ и переселяющимися меннонитами. 20-го февраля 1804 года по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ были изданы и сообщены къ руководству дипломатическимъ агентамъ за границей новыя правила о пріемѣ иностранныхъ колонистовъ. Размѣръ кормовыхъ денегъ, выдаваемыхъ колонистамъ во время путешествія отъ русской

---

[1]) Архивъ Мин. Землед., № 2156/2330, „выписка изъ письма Дюка де Ришелье“ и его отвѣтъ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 16 августа 1805 г.

[2]) 14/26 іюня 1805 г.

границы до мѣстъ водворенія, въ силу этихъ правилъ, ограничивался 10-ю копейками въ сутки для взрослаго и 6-ю копейками для малолѣтняго. Литовскій военный губернаторъ и Трефуртъ поняли новыя правила въ томъ смыслѣ, что они простираютъ свое дѣйствіе на всѣхъ иностранныхъ выходцевъ, не исключая и меннонитовъ; но признавая обязательность этихъ правилъ, Трефуртъ находилъ ихъ не вполнѣ справедливыми и цѣлесообразными по отношенію къ меннонитамъ, „которые какъ по извѣстной ихъ пользѣ и неукоризненному поведенію, такъ и по ихъ имуществу заслуживали бы нѣкоторое предъ другими преимущество“.

Если бы примѣнить установленныя правилами нормы и къ меннонитамъ, то ихъ кормовое довольствіе сократилось бы для малолѣтнихъ вдвое, а для взрослыхъ даже въ два съ половиной раза. Эта перспектива не улыбалась меннонитамъ.

„Уменьшеніе въ кормовыхъ деньгахъ, по высочайшему повелѣнію сдѣланное“, доносилъ Трефуртъ, „произвело непріятное впечатлѣніе въ менонистахъ... Они поэтому опасаются, чтобы не было имъ отказано по 50 рублей на проѣздъ до мѣста, какъ то производилось вышедшимъ въ прошломъ году менонистамъ по прибытіи ихъ въ границу“.

По докладу о томъ министра внутреннихъ дѣлъ, государь повелѣлъ чрезъ посредство Трефурта „обнадежить“ меннонитовъ, „что съ ними поступлено будетъ во всемъ точно на томъ основаніи, какъ съ тѣми изъ товарищей ихъ, которые прежде вышли, и что вслѣдствіе сего они не будутъ лишены ни путевыхъ[1]), ни кормовыхъ денегъ, и уже давно[2]) поставлено въ виду г-ну литовскому военному губернатору, что *сіи люди изъ общихъ правилъ изъемлются*“[3]).

Тѣмъ же высочайшимъ повелѣніемъ было ликвидировано и другое недоразумѣніе, возникшее въ связи съ изданіемъ новыхъ правилъ. Седьмой пунктъ этихъ послѣднихъ гласилъ: „Они („министры, резиденты, повѣренные въ

---

[1]) Въ изложеніи этого дѣла, составленномъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, имѣется слѣдующее примѣчаніе: „№ 13. Путевыя деньги не только имъ, но и колонистамъ не перестанутъ выдаваться“.

[2]) 4 іюня 1804 г.

[3]) Архивъ Мин. Землед., № 2060/2302, письмо графа Кочубея Леонтію Ѳедоровичу Трефурту отъ 18 іюля 1804 г.

дѣлахъ или консулы его и-го величества“) должны наблюдать, чтобы тѣ (изъ желающихъ эмигрировать въ Россію иностранцевъ), кои будутъ къ нимъ являться, предъявляли свидѣтельства или вѣрныя поруки, что они имѣютъ и вывезутъ съ собою имѣнія, или въ наличномъ капиталѣ, или въ товарахъ, не менѣе какъ 300 гульденовъ; не предъявившихъ же того не принимать, ибо опыты научили, что обзаведеніе недостаточныхъ и медленно производится, и малые даетъ успѣхи.“

Среди меннонитовъ былъ небольшой процентъ малосостоятельныхъ хозяевъ, неудовлетворявшихъ указанному имущественному цензу, а также сельско-хозяйственные рабочіе, безъ коихъ малосемейные зажиточные меннониты не могли обходиться. Поэтому приведеное выше требованіе вызвало среди переселяющихся большую тревогу, и проповѣдникъ Варкентинъ обратился къ Контеніусу съ особымъ письмомъ. Въ немъ онъ указывалъ на то, что „пожертвованіе десятою частію“ имущества и такъ для выселяющихся „слишкомъ ощутительно“; „естьли же не будутъ еще приняты и въ Россію, то сдѣлаются чрезъ то крайне нещастными; посему онъ выражалъ надежду меннонитовъ, что „государь императоръ, по человѣколюбію своему, уважитъ сіи обстоятельства и соблаговолитъ даровать имъ свободу *слѣдовать за богатыми* колонистами, выходящими съ хорошими капиталами, въ *качествѣ ихъ работниковъ и за ихъ поручительствомъ* въ тѣ губерніи, гдѣ земледѣльческія руки толико нужны.“

Трефуртъ съ своей стороны, не считая возможнымъ затѣвать длительную переписку по этому дѣлу и принимая во вниманіе малое число бѣдныхъ среди меннонитовъ, рѣшился принимать не имѣющихъ означеннаго ценза, „съ *тѣмъ* однако *условіемъ, что сіи работники не будутъ требовать ни денежной ссуды, ни земли для себя*, кромѣ кормовыхъ и путевыхъ до Екатеринослава денегъ.“

Въ упомянутомъ выше письмѣ отъ 18 іюля 1804 года графъ Кочубей писалъ по этому дѣлу Трефурту: „нужнымъ почитаю дать вамъ знать, что его величество одобрилъ ваши распоряженія въ разсужденіи бѣдныхъ и позволяетъ имъ *слѣдовать за богатыми въ званіи работниковъ*, безъ всякаго отъ казны пособія, кромѣ кормовыхъ и путевыхъ денегъ.

Такимъ образомъ новыя правила пріема въ Россію иностранныхъ поселенцевъ, поскольку они устанавливали имущественный цензъ и уменьшенный размѣръ кормовыхъ денегъ, не коснулись меннонитовъ.

Установленный размѣръ кормовыхъ денегъ, высокій по тому времени не только для меннонитовъ (25 и 12 коп.), но даже и для колонистовъ (10 и 6 коп.), и выдача этихъ денегъ въ зависимости отъ длительности путешествія, сколько бы кто сутокъ ни пробылъ въ пути, привели къ неожиданному для правительства результату: меннониты, получивъ въ Гроднѣ кормовыя впередъ за 40 сутокъ и выѣхавъ оттуда съ тѣмъ или другимъ транспортомъ, въ пути безъ всякихъ уважительныхъ причинъ отставали отъ него и подолгу проживали въ какомъ-нибудь городѣ или мѣстечкѣ въ ожиданіи слѣдующаго транспорта. По прибытіи же въ Екатеринославъ они требовали у конторы выдачи кормовыхъ денегъ за все время своего нахожденія въ пути. Благодаря этому издержки путешествія, въ особенности у большихъ семей, возрастали до очень крупныхъ размѣровъ, нерѣдко равняясь, а иногда и превосходя собою ассигнованную на всѣ расходы по путешествію, прокормленію на мѣстѣ и водворенію меннонитской семьи сумму въ 560 рублей.

Такъ Мартынъ Гамъ во время пребыванія въ Гроднѣ съ 30 сентября до 8 октября 1803 года получилъ на свое семейство, состоявшее изъ десяти взрослыхъ душъ, 20 рублей серебромъ кормовыхъ денегъ; при отъѣздѣ оттуда 8 октября ему выдано было впередъ на 40 дней сто рублей путевыхъ серебромъ же и 50 рублей ассигнаціями на фуражъ для лошадей, итого въ Гроднѣ онъ получилъ 170 рублей, „да въ мѣстечкѣ Бердичевѣ на квартирѣ“ ему выдано было 245 рублей 50 коп.; „по прибытіи же 22 апрѣля въ Екатеринославъ требовалъ (онъ) отъ конторы въ додачу путевыхъ и за простоялые, по объявленію его, въ Житомірѣ 98 дней денегъ“; контора выдала ему только въ додачу“ за 59 дней путевыхъ денегъ 147 рублей 50 коп., съ коими и числилось на немъ 563 рубля; а если бы положить ему и за „простоялые“ 98 дней по 15 коп. на душу[1]), то пришлось выдать

[1]) Опредѣляя таковой размѣръ кормовыхъ за „простоялые дни“, контора основывалась на предписаніи министра внутреннихъ дѣлъ волынскому губернатору Решетову относительно десятаго транспорта

бы еще 147 рублей, что и составило бы сумму въ 710 рублей „безъ кормовыхъ на мѣстѣ и безъ нужныхъ на водвореніе“.

Наблюденія надъ путешествіемъ меннонитовъ и колонистовъ убѣдили контору, что „равнаго числа путевыхъ дней всѣмъ положить не можно, потому что въ дорогѣ случаются болѣзни и другіе препятствующіе случаи, останавливающіе ихъ противъ воли, и что должно полагать различіе и въ годовыхъ временахъ“, но при всемъ томъ она считала нужнымъ и возможнымъ бороться съ злоупотребленіями со стороны выходцевъ этой неопредѣленностью срока, потребнаго на проѣздъ пути отъ Гродны до Екатеринослава.

Контора обращалась къ губернаторамъ тѣхъ губерній, чрезъ которыя пролегала „трактовая дорога“ меннонитовъ и колонистовъ, съ просьбой сдѣлать распоряженіе, „чтобы во время слѣдованія тѣхъ людей въ городахъ отъ полицейскихъ чиновниковъ и селеніяхъ отъ сельскаго начальства было помѣчаемо на выдаваемыхъ имъ открытыхъ листахъ время, если они въ какомъ городѣ или селеніи остановятся, сколько гдѣ именно пробудутъ, дабы потому можно знать число дней ихъ путешествія и число квартированія въ городахъ и селеніяхъ; и естьли кто по болѣзни или по другимъ препятствіямъ принужденъ будетъ отстать отъ своего транспорта, и слѣдовательно остается безъ вида, то таковому при отправленіи давать свидѣтельство, когда точно онъ прибылъ, сколько дней оставался въ городѣ или селеніи и когда оттоль отправился, на которыхъ (свидѣтельствахъ) также въ предлежащихъ трактовыхъ мѣстахъ чинены были бы выше-означенныя помѣтки“. Но обращеніе конторы къ губернаторамъ осталось безрезультатнымъ: „исполненія по оному не послѣдовало“.

Тогда, въ видахъ устраненія злоупотребленій и сокращенія расходовъ казны, контора обратилась къ министру внутреннихъ дѣлъ съ предложеніемъ принять слѣдующія мѣры:

нѣмецкихъ колонистовъ, одновременно съ меннонитами переселявшихся въ Новороссійскій край: этотъ транспортъ останавливался на квартирахъ въ волынской губерніи, и во время остановки министръ предписалъ выдавать входившимъ въ составъ его колонистамъ — взрослымъ по 15, а малолѣтнимъ по 10 копеекъ въ сутки.

1) установить для проѣзда меннонитовъ отъ Гродны до Екатеринослава опредѣленный срокъ, а именно — въ лѣтніе мѣсяцы отъ 40 до 50-ти дней, а въ зимніе отъ 45 до 60-ти дней, и на это число дней выдавать впередъ деньги съ предупрежденіемъ меннонитовъ и колонистовъ, что „естьли они не станутъ поспѣшать въ дорогѣ и пробудутъ больше дней, нежели насколько времени учинена выдача кормовыхъ денегъ, то содержаніе за излишніе дни обязаны они имѣть собственное, и въ додачу таковыхъ ни въ конторѣ и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ они не получатъ“; пробывшимъ же въ пути лишнее время по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ въ видѣ исключенія можетъ быть выдаваемо нѣкоторое денежное пособіе, но отнюдь не сумма, опредѣляемая числомъ „путешественныхъ“ и „простоялыхъ“ дней.

2) При отправленіи въ Новороссійскій край прибывшихъ „въ россійскія границы“ меннонитовъ и колонистовъ принимать во вниманіе степень ихъ зажиточности, „и тѣмъ, кои въ состояніи доѣхать сами до Екатеринослава, и особливо естьли они сами требовать не будутъ, ни кормовыхъ, ни фуражныхъ денегъ не выдавать“.

Предположенное раздѣленіе меннонитовъ по степени ихъ состоятельности на три разряда или „сорта“ (см. выше стр. 30) осталось только на бумагѣ, и въ дѣйствительности всѣмъ меннонитамъ выдавались въ Гроднѣ одинаково кормовыя и фуражныя деньги. Меннониты полагали (и въ этомъ гродненская администрація не пыталась ихъ разубѣждать), что кормовыя и фуражныя деньги выдаются имъ въ видѣ безвозвратнаго пособія, а посему всѣ и требовали выдачи ихъ себѣ, какъ должнаго, хотя и обладали собственными средствами. По прибытіи въ Екатеринославъ онн убѣждались въ противномъ, и нѣкоторые изъ нихъ заявляли, что „они не были расположены принимать въ Гроднѣ путевыхъ, кормовыхъ и фуражныхъ денегъ, но тамъ имъ сказано, что сіи деньги выдаются безвозвратно“[1]). Основываясь на этихъ заявленіяхъ, контора не сомнѣвалась въ томъ, что и на будущее время среди меннонитовъ найдутся такіе, „которые въ со-

---

[1]) Отправленіемъ колонистовъ изъ Гродны завѣдывалъ совѣтникъ Изотъ; такъ онъ поступалъ вѣроятно ради облегченія себѣ отчетности.

стояніи пріѣхать на собственномъ иждивеніи, лишь бы пограничныя начальства не предлагали каждому безъ различія принятія путевыхъ денегъ[1]).

Министръ внутреннихъ дѣлъ согласился съ представленіемъ конторы и предложилъ литовскому военному губернатору барону Бенигсену и волынскому гражданскому губернатору Гаврилу Степановичу Решетову привести въ исполненіе рекомендованныя конторою мѣры[2]). Но и по прибытіи на мѣсто въ Екатеринославъ и затѣмъ въ Хортицу, гдѣ отводились меннонитамъ квартиры, только меньшинство ихъ отказывалось отъ полученія кормовыхъ денегъ, назначавшихся теперь по 8 копеекъ на душу въ сутки, и это не смотря на то, что большинство переселенцевъ были люди состоятельные. Такъ въ концѣ 1803 года „изъ вновь прибывшихъ менонистовъ“ 99 семействъ (въ числѣ 459 душъ обоего пола) „просили выдачи имъ по 1-ое декабря сего года по 8 копеекъ въ сутки на душу кормовыхъ денегъ, и оными они (были) удовлетворены, а 20 семействъ таковыхъ объявили, что они могутъ обойтиться безъ выдачи сихъ денегъ“[3]). Неустойчивость правительственной политики въ прошломъ по отношенію къ иностраннымъ выходцамъ поддерживала у большинства меннонитовъ надежду, что сдѣланный долгъ каѣнѣ можетъ быть прощенъ. Также обстояло дѣло и со ссудами на обзаведеніе.

Каждому семейству на первоначальное обзаведеніе выдавалось:

а) „на сдѣланіе плуговъ и прочихъ нужныхъ земледѣльческихъ орудій“ по 25 рублей; б) на покупку сѣмянъ (озимыхъ) для посѣва и пріобрѣтенія скота по 100 рублей и в) на постройку домовъ также по 100 рублей.

---

[1]) Архивъ Мин. Землед., дѣло № 2088/2313 „По представленію новороссійской опекунской конторы относительно ограниченія выдачи слѣдующимъ для поселенія въ Новороссійскій край менонистамъ и колонистамъ путевыхъ и кормовыхъ денегъ“, представленіе конторы отъ 4 августа 1804 г.

[2]) Тамъ же, предписанія означеннымъ губернаторамъ отъ 8 сент. 1804 г.

[3]) Архивъ Мин. Землед., № 2016/2284, „Дѣло по представленію новороссійской опекунской конторы касательно произведенной выдачи изъ Пруссіи вышедшимъ менонистамъ кормовыхъ и ссудныхъ денегъ и по предмету обзаведенія ихъ хозяйствомъ“.

Нужно замѣтить, что всѣ вышедшіе въ Россію между 1803—1806 гг. меннониты, въ числѣ 364 (362) семействъ[1]), были раздѣлены, по времени прибытія, на три категоріи: на меннонитовъ перваго, второго и третьяго выходовъ; для завѣдыванія каждой категоріей и веденія съ ней денежныхъ счетовъ казны учрежденъ былъ особый приказъ.

Когда таковой „учрежденный въ Хортицкой колоніи надъ менонистами второго выхода приказъ“ получилъ запросъ новороссійской конторы, „кто изъ хозяевъ, не имѣя своего капитала, имѣетъ надобность въ казенной ссудѣ, кто желаетъ быть водвореннымъ со стороны казны, и кто не требуетъ никакого отъ казны пособія“, то „имѣвъ собраніе и разсужденіе“ по этому дѣлу, названный приказъ постановилъ испросить отсрочку для дачи требуемыхъ свѣдѣній, пока не рѣшился вопросъ о покупкѣ меннонитами имѣнія „Волненькаго“. Рѣшеніе скоро состоялось, но въ отрицательномъ смыслѣ: „гражданскій губернаторъ фонъ Бергъ объявилъ“ меннонитамъ „высочайшій рескриптъ, что на покупку имѣнія Волненькаго высочайшаго соизволенія не слѣдовало“; тогда они просили губернатора исходатайствовать у государя „выгоднѣйшую землю для ихъ водворенія, нежели на Молочной; ежели же, сверхъ чаянія, сія просьба ихъ останется безъ дѣйствія“, то выражали надежду на то, что, по милосердію государя, они по крайней мѣрѣ“ будутъ „подкрѣплены большою ссудою или отпускомъ большого количества лѣса, нужнаго къ постройкѣ хозяйскихъ жилищъ“.

Въ ходатайствѣ отвести лучшую землю, нежели на Молочныхъ Водахъ, меннонитамъ было отказано, но просьба объ отпускѣ лѣса была удовлетворена. На первый разъ у чернобыльскаго мѣщанина Берки Михалевича было куплено 1600 бревенъ 3-хъ саженныхъ, 116—4-хъ саженныхъ и 453—5-ти саженныхъ, съ платой по $67^1/_2$ копеекъ за каждую 3-хъ аршинную сажень. 28 сентября 1804 года съ тѣмъ же поставщикомъ былъ заключенъ контрактъ о поставкѣ новой

---

[1]) Подсчетъ цифръ, сообщаемыхъ Трефуртомъ, даетъ 364 семьи, по сообщенію же „Журнала Министерства Государств. Имуществъ“ за 1854 г. за указанные три года переселились 362 семьи. (Учрежденіе новыхъ колоній въ царствованіе императора Александра I.)

партіи строевого лѣса, а именно 2000 бревенъ 3-хъ саженныхъ и 800—4-хъ саженныхъ. Всего такимъ образомъ для меннонитовъ было куплено казной 4969 бревенъ строевого лѣса, а съ „кроквами и латами“ 5852 бревна. Доставка по Днѣпру до Александровской пристани каждаго бревна, круглымъ числомъ, обошлась въ $82^1/_2$ копейки, а всей партіи лѣса обѣихъ покупокъ въ 4827 рублей 90 копеекъ. Отъ Александровской пристани до Молочныхъ Водъ лѣсъ везли „фурщики“, что̀ еще болѣе удорожало его стоимость. Меннониты 2-го выхода, весною 1805 года получившіе этотъ лѣсъ, уже не могли требовать сторублевой ссуды „на строеніе дома“.

Кромѣ указанныхъ выше ста рублей на хозяйственное обзаведеніе и сѣмена были выданы особыя деньги на покупку яровыхъ сѣмянъ. Меннониты перваго выхода получили ихъ по десять рублей на семью, но сѣмянъ не пріобрѣли, потративъ деньги „на пропитаніе“; пришлось вторично выдать имъ на яровыя сѣмена всѣмъ въ совокупности 1290 рублей (т. е. по 10 же рублей на семью). Меннониты второго выхода получили на этотъ предметъ уже по 15 рублей на семью.

Всѣмъ прибывшимъ въ Новороссійскій край въ 1803—1806 гг. меннонитамъ пришлось водвориться на „Молочныхъ Водахъ“ (въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губерніи), хотя значительной ихъ части хотѣлось сѣсть сразу на культурныхъ земляхъ, не требовавшихъ большой затраты труда. Здѣсь они основали девятнадцать (19) колоній[1]), изъ коихъ десять по берегамъ рѣки Молочной, а остальныя по рѣкамъ Токмаку (3 колоніи) и Куруду-юшанлэ (6 колоній). Всѣ онѣ были отданы въ непосредственное завѣдываніе „смотрителя молочанскихъ колоній“, каковымъ былъ назначенъ баронъ Икскуль. Почва на „Молочныхъ Водахъ“ состояла изъ рыхлой песчаной земли, перемѣшанной съ черноземомъ; въ низменныхъ мѣстахъ вдоль рѣки Молочной встрѣчались солончаки, а въ одной колоніи—Мюнстербергѣ—даже сыпучіе

---

[1]) Гальбштадтъ, Гальбштадтъ ремесленный, Мунтау, Шенау, Фишау, Линденау, Лихтенау, Блюмштейнъ, Мюнстербергъ. Альтонау, Орловъ (1804 г.), Тиге, Тигенгагенъ, Блюменортъ, Розенортъ, Шензе, Ладекопъ, Петерсгагенъ или Сладкая Балка (1805 г.) и Фюрстенау (1806 г.).

пески. Привести эти земли въ культурное состояніе было не легкой задачей, но меннониты этого водворенія удачно и быстро съ ней справились, будучи людьми не только трудолюбивыми, но и богатыми: они принесли съ собой значительное количество наличныхъ денегъ[1]), лошадей, рогатаго скота фрисландской породы, испанскихъ овецъ и сельскохозяйственныхъ орудій всего на сумму до 450 тысячъ рублей серебромъ.

Въ теченіе какихъ-нибудь 4—5 лѣтъ они уже достигли значительнаго благосостоянія, такъ что „Сѣверная Почта“ въ началѣ 1810 года могла помѣстить о нихъ слѣдующее „Извѣстіе изъ Симферополя“ (отъ 8 января): „меннонисты, недавно поселившіеся въ степной части Крыма при *Молочныхъ Водахъ*, начинаютъ уже приходить въ цвѣтущее состояніе, а равно и колонисты въ сію же округу изъ разныхъ мѣстъ вышедшіе. Теперь занимаютъ они вообще двадцать шесть селеній, въ коихъ число меннонистовъ составляетъ тысячу девятьсотъ двѣ, а число колонистовъ девятьсотъ девяносто восемь душъ обоего пола. По ихъ обыкновенію они обстроились весьма прочно и обзавелись всѣмъ хозяйствомъ; при томъ же имѣютъ большое пространство земли, которая весьма щедро награждаетъ труды земледѣльца, не требуя никакого удобренія. Скотоводство ихъ, пчеловодство и садоводство идетъ весьма успѣшно. Въ нынѣшнемъ (1809) году они имѣли уже двадцать пять шелковыхъ плантацій, заключающихъ въ себѣ до 30.000 регулярно разсаженныхъ деревьевъ. Продукты развозятъ они въ ближайшіе города и селенія и получаютъ весьма хорошій барышъ.

---

[1]) Въ 1813 году, 30 августа, испрашивая себѣ награжденіе орденомъ св. Владиміра 3-ей степени въ виду исполнившагося десятилѣтія со дня отправленія имъ въ Россію первой партіи меннонитовъ въ числѣ 115 семей (кои теперь по минованіи льготы обязаны были уже платить подати), Трефуртъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ: „Vous n'ignorez point, Monseigneur, qu'outre mes fonctions diplomatiques j'ai procuré à la Russie successivement dans l'éspace de dix ans plusieurs centaines de familles de colons menonites très riches, possédant des capitaux de 2000, de 4000, de 6000, de 8000, de 10.000 et un de 30.000 écus de Prusse en argent comptant; de ces familles opulentes, établies en grande partie à la Moloschna sur la mer d'Azow, 167 n'ont accepté aucun secours pécuniaire de la part de la Couronne“ Моск. Главн. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, II, I, № 1 „О поселеніи въ Россіи прусскихъ менонистовъ“.)

Къ благоустройству здѣшнихъ поселенцовъ надлежитъ отнести и то, что для менонистовъ воздвигнутъ молитвенный домъ, а для колонистовъ по разнымъ ихъ исповѣданіямъ повелѣно построить церкви на счетъ казны, и уже выписываются Римскаго исповѣданія священники, а также и протестантскіе пасторы по примѣру Одесскихъ колоній“[1]).

Еще бо̀льшихъ успѣховъ въ своемъ хозяйствѣ достигли къ этому времени меннониты, водворившіеся въ Россіи при Екатеринѣ II въ числѣ 346 семействъ[2]). Первое десятилѣтіе пребыванія въ Россіи жизнь на новыхъ мѣстахъ плохо налаживалась, но рядъ правительственныхъ мѣропріятій при Павлѣ I и въ первые годы царствованія Александра I довольно быстро поправили ихъ благосостояніе. Въ 1800 году 6 апрѣля при императорѣ Павлѣ, по докладу Сената, повелѣно было: а) часть хортицкихъ меннонитовъ (именно 150 семействъ) „переселить на другую удобнѣйшую землю, купивъ оную на счетъ казны“; б) отсрочить взысканіе поземельной подати и ссудныхъ денегъ съ меннонитовъ, остающихся на старыхъ мѣстахъ еще на пять, а съ переселяющихся на десять лѣтъ, „считая отъ времени истеченія первыхъ льготныхъ сроковъ“; в) установленный размѣръ поземельной подати—15 копеекъ съ десятины взыскивать по истеченіи льготныхъ лѣтъ только съ основныхъ 65-ти десятинныхъ надѣловъ на семью, за излишнюю же землю брать по $2^1/_2$ копейки съ десятины „по примѣру платимой поземельной подати всѣми вообще казенными поселянами новороссійской губерніи“; г) взысканіе ссудныхъ денегъ, по миновaніи льготы, произвести съ остающихся на мѣстѣ въ десять, а съ переселяемыхъ въ двадцать лѣтъ[3]). Эти новыя льготы были подтверждены и въ изложенной нами выше Жалованной Грамотѣ императора Павла меннонитамъ отъ 6 сентября 1800 года. Сверхъ того, „въ виду разстроеннаго состоянія и скудости“, меннониты освобождены отъ возврата въ казну 22738 рублей 12 копеекъ, употребленныхъ на ихъ путевое содержаніе;

---

[1]) Сѣверная Почта или Новая Санкпетербургская Газета № 25. Среда, Генваря 26 дня 1810 г.

[2]) 314 семействъ въ Хортицкомъ урочищѣ, 17 семействъ въ колоніи Шенвизе въ Павлоградскомъ уѣздѣ и 15 семействъ въ колоніи Кронсгартенъ въ Новомосковскомъ уѣздѣ.

[3]) Полн. Собр. Зак., томъ XXVI, № 19,372. Апрѣля 6-го 1800 года высочайше утвержденный докладъ Сената.

данная же имъ въ долгъ ссуда въ размѣрѣ 358.237 рублей обращалась въ распоряженіе экспедиціи государственнаго хозяйства на возстановленіе собственнаго ихъ состоянія“[1]).

Въ силу того же сенатскаго доклада 6 апрѣля 1800 года рѣшено было „отысканіе земель къ покупкѣ представить имъ самимъ (переселяемымъ меннонитамъ); ибо опыты уже доказали, что выборъ дачъ подъ поселеніе иностранцевъ безъ ихъ согласія всегда бываетъ поводомъ къ жалобамъ, какъ бы оной выгоденъ ни былъ“.

На основаніи этого въ 1802 году, „по избранію самихъ менонистовъ и по ихъ прошенію“, была куплена для ихъ переселенія земля у тайнаго совѣтника Миклашевскаго въ числѣ 11.755 десятинъ удобныхъ“ за 24000 рублей, каковая сумма причислялась къ прочимъ долгамъ меннонитовъ и подлежала взысканію на основаніи установленныхъ означеннымъ сенатскимъ докладомъ правилъ. Тогда же на эту землю переселилось 65 семействъ, вмѣсто предположенныхъ 150: въ переселеніи бо́льшаго числа „не найдено“ было „дальней нужды по той причинѣ, что близость ея (купленной земли) къ Хортицамъ доставляетъ удобность пользоваться ею безъ переселенія“.

Разрѣженіе населенія въ Хортицкомъ урочищѣ не сразу принесло свои плоды. 1804-й годъ для части его обитателей былъ послѣднимъ льготнымъ годомъ, и съ 1805-го года они должны были не только взносить поземельную подать. но и начать уплату долга казнѣ, состоявшаго „на иномъ семействѣ болѣе нежели въ 1000 рубляхъ“. Уплата долга на указанныхъ въ законѣ 6-го апрѣля 1800-го года основаніяхъ была меннонитамъ не по силамъ: часть ихъ „отъ нещастныхъ приключеній прошедшихъ лѣтъ“ все еще находилась „въ бѣдномъ положеніи и полученной ссуды въ положенномъ количествѣ въ срокъ возвратить“ была „не въ состояніи“. Посему старшины и церковные старосты меннонитовъ въ 1805 году вошли съ особымъ представленіемъ въ опекунскую контору, въ коемъ указывая на это обстоятельство, просили ее исходатайствовать имъ позволеніе „взносить ежегодно, вмѣсто опредѣленной прежде уплаты, по 25 рублей съ семейства, изъ коихъ 10 рублей $42^1/_2$ копейки зачислялись бы въ

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ XXVI, № 19,372. Апрѣля 6-го 1800 года высочайше утвержденный докладъ Сената.

поземельную подать, а прочія 14 рублей $57^1/_2$ копеекъ въ уплату долга; коль же скоро поправятъ свое состояніе, то обязываются полагаемую нынѣ въ уплату долга сумму удвоить". Въ представленіи меннониты указывали и на тѣ мѣропріятія, посредствомъ коихъ они надѣялись улучшить свое экономическое положеніе: „къ достиженію лучшаго состоянія рѣшились они будущею весною построить судно для плаванія по берегамъ Чернаго моря и по Днѣпру, къ чему и мѣстное положеніе ихъ селеній, состоящихъ ниже Днѣпровскихъ пороговъ, доставляетъ имъ способность... съ такимъ распоряженіемъ, построивъ болѣе оныхъ, ежели успѣхъ будетъ соотвѣтствовать ихъ ожиданіямъ, надѣются сбывать свои продукты вышшими цѣнами, нежели въ тамошнихъ мѣстахъ. Сверхъ того они не упустятъ стараться о размноженіи тутовыхъ деревъ и о распространеніи овецъ лучшей породы, коихъ намѣрены доставать изъ Пруссіи; а въ выдѣлываніи сукна дѣлается уже ими нынѣ опытъ; и такими мѣрами надѣются они со временемъ прійти въ состояніе уплачивать казенный долгъ вѣрнѣе и безъ отягощенія."

Опекунская контора нашла просьбу меннонитовъ справедливой и заслуживающей самаго серьезнаго вниманія, ибо если бы настаивать на выполненіи требованій закона 6 апрѣля 1800 года, то нѣкоторымъ меннонитскимъ семьямъ пришлось бы ежегодно взносить въ упату долга очень крупную сумму, а именно: оставшимся на мѣстѣ отъ 100 до 120 рублей, а переселившимся на землю, купленнную у Миклашевскаго, отъ 50-ти до 60 рублей; сверхъ того платить поземельную подать за основной 65-ти десятинный надѣлъ по 9 рублей 75 копеекъ, а въ Хортицкихъ колоніяхъ еще за излишне оставленную при нихъ землю по $67^1/_2$ копеекъ; наконецъ, всѣмъ меннонитамъ приходилось участвовать въ содержаніи почтъ. Такого платежнаго бремени не могли бы выдержать даже богатые меннониты безъ существеннаго ущерба для своего хозяйства, не говоря уже о семействахъ средняго достатка или бѣдныхъ.

Учитывая это обстоятельство, опекунская контора полагала цѣлесообразнымъ принять слѣдующія мѣры по отношенію къ меннонитамъ:

1. „Взыскивать съ нихъ ежегодно по 25 рублей съ семейства съ тѣмъ, чтобы согласно съ ихъ прошеніемъ, одна

часть изъ нихъ зачиталась въ поземельную подать, а другая въ уплату долга, пока они поправятъ свое состояніе, и тогда можно будетъ полагаемую нынѣ въ уплату долга сумму удвоить“;

2) означенный сборъ въ 25 рублей съ семейства взыскивать со всѣхъ меннонитовъ, какъ хортицкихъ, такъ и водворенныхъ въ особыхъ двухъ колоніяхъ (Шенвизе и Кронсгартенъ), начавъ взысканіе его съ тѣхъ, коимъ льготные годы минули, съ текущаго 1805 года, а съ остальныхъ, какъ остающихся на мѣстахъ, такъ и переселившихся на землю Миклашевскаго, по истеченіи высочайше дарованной льготы, „располагая такимъ образомъ, чтобы тѣ семейства, коимъ пройдетъ назначенное льготное время, однимъ 15, а другимъ 20-лѣтнее, всякій разъ причисляемы были въ свое время къ назначаемому платежу“; наконецъ,

3) расходъ въ 24.000 рублей, произведенный на покупку земли у Миклашевскаго и причисленный къ лежащему на меннонитахъ долгу, принять на счетъ казны, ибо если эти деньги будутъ возвращены самими меннонитами, „то сіи, считая себя владѣльцами той земли, сочтутъ за отягощеніе обложеніе ихъ „равною съ прочими менонистами, отъ казны земли получившими, поземельною податью по 15 копеекъ съ десятины. Напротивъ того, естьли оная сумма изъ почитающагося на нихъ долгу будетъ исключена, то посредствомъ сего, какъ во владѣніи, такъ и въ податяхъ и повинностяхъ, навсегда установится единообразіе“.

Предположенія опекунской конторы, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ графа В. Кочубея, 18-го апрѣля 1805-го года были утверждены императоромъ Александромъ и получили силу закона[1]).

Эти новыя льготы и милости дали меннонитамъ возможность осуществить свои предположенія на счетъ развитія торговли и разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, выраженныя въ приведенномъ выше представленіи ихъ опекунской конторѣ; благосостояніе ихъ быстро возрастало, и уже въ началѣ 1810-го года „Сѣверная Почта“ слѣдующимъ образомъ рисовала хозяйственные успѣхи хортицкихъ меннонитовъ:

---

[1]) „Санктпетербургскій Журналъ“ 1805 г., № IX, сентябрь. Въ Полномъ Собраніи Законовъ, № 21.909 — этотъ докладъ неправильно помѣченъ 9-мъ сентября.

„Меннонисты особливо могутъ хвалиться своимъ благоденствіямъ... они завели у себя хорошіе фруктовые, а нѣкоторые и виноградные сады; занимаются разведеніемъ шелковичныхъ деревъ и даже выдѣлкою шелка; имѣютъ лучшей породы лошадей и рогатый скотъ, который еще съ собой привели и почти ежедневно вновь выписываютъ для размноженія; принялись притомъ и за овцеводство, къ чему правительство оказало имъ нарочитое пособіе подареніемъ до 100 овецъ гишпанской породы. Пчеловодство составляетъ также важную статью въ сельскомъ ихъ хозяйствѣ. Сверхъ того они устроили общественную винокурню, пивоварню и солодовню и завели водяныя и вѣтряныя мельницы. По мининованіи льготныхъ лѣтъ меннонисты сіи... начали вносить положенныя на нихъ подати и уплачивать капиталъ, выданный имъ въ ссуду отъ казны; но сумма, платежъ сей составляющая, столь мала, что даже не можетъ равняться съ обыкновенными податьми, не включая еще того, что они избавлены отъ рекрутства и постоя. Продукты свои сбываютъ они въ ближайшихъ городахъ за весьма выгодную для себя цѣну. Промышленность же меннонистовъ столь далеко простирается, что они строятъ уже суда и плаваютъ на нихъ до Одессы по Черному морю съ своими произведеніями, которыя отвозятъ также и сухопутно въ портовый городъ Таганрогъ, за 500 верстъ отъ нихъ отстоящій“[1]).

Войны императора Александра съ Наполеономъ пріостановили на время переселеніе меннонитовъ въ Россію, но съ 1808-го года оно опять возобновляется. Въ этомъ году „нѣсколько добрыхъ меннонитскихъ семей“, желая отправиться въ Россію, чрезъ посредство неоднократно упоминаемаго выше Варкентина, обратились къ русскому консулу въ Эльбингѣ Абегъ (Abegg) съ просьбой предварительно отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1) „Принимаютъ ли еще меннонитовъ въ Россію?
2) „Даютъ ли имъ паспорты и на границѣ обычное денежное пособіе?
3) „Будутъ ли они водворены на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ предъ тѣмъ были приняты въ им-

---

[1]) „Сѣверная Почта“, 1810, № 23, „Извѣстіе изъ Екатеринослава отъ 5 Генваря“.

перію ихъ единовѣрцы (Si on leur accorde des établissements aux mêmes conditions obtenues pour ceux de leur secte précédemment reçus dans l'Empire.)?“

Абегъ за рѣшеніемъ этихъ вопросовъ обратился къ графу Штакельбергу, представивъ ему при томъ, что утвердительный отвѣтъ на нихъ вызоветъ переселеніе въ Россію не только „довольно значительнаго числа меннонитскихъ семействъ“, но и прусскихъ ремесленниковъ: „нищета, царствующая въ прусскихъ провинціяхъ, занятыхъ (occupées) еще французскими войсками“, побудила уже нѣсколько семей хорошихъ ремесленниковъ обратиться къ нему съ изъявленіемъ своего желанія переселиться въ Россію при условіи небольшой денежной помощи на дорогу и водвореніе.

Штакельбергъ съ своей стороны депешей отъ 13/25 іюля 1808-го года довелъ объ этомъ дѣлѣ до свѣдѣнія графа Румянцева, а этотъ послѣдній сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ князю Алексѣю Куракину.

Условія пріема меннонитовъ на этотъ разъ сохранены были прежнія, и въ 1808—1809 годахъ прибыло въ Россію 99 меннонитскихъ семействъ: часть ихъ была отправлена Трефуртомъ изъ Данцига, гдѣ мѣстное „Гданское правительство“ затрудняло „имъ выходъ такъ, какъ и прусское, всѣми только возможными способами“. Эмигранты изъ Данцига были люди состоятельные. Сообщая объ отправленіи въ Россію четырехъ меннонитскихъ семей[1]) въ числѣ 21-ой души, въ донесеніи отъ 17/29 августа 1809-го года Трефуртъ писалъ, что онѣ „отправились отсюда въ Гродно на собственныхъ лошадяхъ, взявъ (съ) собою двухъ голландскихъ коровъ, нѣсколько овцовъ (sic) гишпанской породы, называемыхъ здѣсь „фагасъ“, и наличными деньгами около двухъ тысячъ талеровъ прусскихъ[2]).

Широкое привлеченіе иностранныхъ колонистовъ въ Россію на прежнихъ основаніяхъ вскорѣ однако стало не по средствамъ для русской казны. Участіе Россіи въ континентальной блокадѣ, какъ результатъ Тильзитскаго мира, тяжело отразилось на нашихъ финансахъ. Прекращеніе торговыхъ

---

[1]) Дирка Гинтера, Дирка Дике, Дирка Альбрехта и Петра Хардера.

[2]) Москов. Главный Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ: Донесеніе резидента въ Гданскѣ Трефурта отъ 17/29 августа 1809 года.

сношеній съ Англіей способствовало отливу изъ Россіи металлическихъ денегъ и соотвѣтствующему быстрому упадку курса бумажныхъ: если въ 1807 году бумажный рубль стоилъ 67 копеекъ, то въ 1810-мъ, за три года дѣйствія континентальной блокады, онъ уже упалъ до 25 копеекъ. Соотвѣтственно этому упалъ и дѣйствительный, не номинальный, доходъ казны, и образовался огромный для того времени дефицитъ, достигшій въ 1810-году почти 105 милліоновъ рублей при бюджетѣ въ 230 милліоновъ. Количество находившихся въ обращеніи ассигнацій достигло 577 милліоновъ рублей. Пришлось сразу же сильно повысить налоги и подумать о возможномъ сокращеніи расходовъ. Въ 1809-мъ году учрежденъ былъ „комитетъ для сокращенія издержекъ на 1810 годъ“.

Въ засѣданіи 29 декабря 1809-го года, разсматривая смѣту экспедиціи государственнаго хозяйства (по министерству внутреннихъ дѣлъ), онъ постановилъ исключить изъ нея 10 тысячъ рублей, ассигнованныхъ на улучшеніе „хозяйственныхъ заведеній въ саратовскихъ колоніяхъ, и на 500 тысячъ рублей сократить ассигнованія на вызовъ и водвореніе колонистовъ, а именно отпустить 2 милліона вмѣсто проектированныхъ $2^1/_2$ милліоновъ рублей. Собственно комитетъ полагалъ сократить издержки по этой статьѣ до 1-го милліона рублей, и согласился на вышеозначенную цифру въ 2 милліона рублей только по настоянію министра внутреннихъ дѣлъ, который увѣрялъ, что невозможно обойтись меньшей суммой въ 1810-мъ году „по причинѣ дѣйствительнаго уже прибытія колонистовъ или ожиданія оныхъ“. Сдѣлавъ эту уступку, комитетъ однако счелъ своимъ долгомъ обратить вниманіе государя на невозможность для государственнаго казначейства удовлетворять впредь издержкамъ „столь значущимъ и впрочемъ никакой настоятельной нужды за собой не влекущимъ“, и рекомендовалъ для сокращенія расходовъ по этой статьѣ принять слѣдующія мѣры:

1) немедленно увѣдомить наши миссіи и консульства за границей, что впредь никакой ссуды колонистамъ правительство производить не будетъ, поставивъ въ обязанность означеннымъ учрежденіямъ предварять являющихся къ нимъ за паспортами иностранцевъ, что „всѣ тѣ, кои пожелаютъ на собственномъ своемъ иждивеніи прибыть и

поселиться въ Россіи, найдутъ полное покровительство со стороны правительства, получатъ земли и будутъ трактуемы точно такъ, какъ и прежде сіе чинилось съ ихъ товарищами, за исключеніемъ денежнаго пособія, котораго никто впредь получать не можетъ“;

2) исключеніе изъ этого правила допустить только для суконщиковъ „по настоятельной нуждѣ въ сихъ издѣліяхъ“.

Необходимость этихъ мѣропріятій комитетъ мотивировалъ не только настоятельной потребностью сокращенія расходовъ, но и „чрезмѣрной дороговизной водворенія колонистовъ“, при чемъ подвергалъ сомнѣнію самую цѣлесообразность иностранной колонизаціи. „По вѣдомостямъ г. министра внутреннихъ дѣлъ видно“, писалъ комитетъ въ своемъ журналѣ, „что одна колонистская семья, около столицы водворяющаяся, стоитъ казнѣ на первоначальное обзаведеніе слишкомъ 5000 рублей, тогда какъ крестьяне, природные подданные, переселяясь изъ губерній многолюдныхъ на мѣста незаселенныя и составляя полезнѣйшія для государства колоніи, никакой почти ссуды не имѣютъ, такъ что пособіе нѣмецкой семьѣ, свободной отъ рекрутской службы и отъ другихъ повинностей, даваемое, могло бы съ вѣроятностію обращено быть на переселеніе семей 50 россійскихъ крестьянъ, къ существенной пользѣ самихъ ихъ и государства.“

Согласно мнѣнію комитета, 25 февраля 1810-го года состоялся высочайшій указъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ о прекращеніи выдачи денежной ссуды колонистамъ[1]).

На этихъ новыхъ условіяхъ въ 1811-мъ году изъявило желаніе переселиться 4 меннонитскихъ семейства изъ окрестностей Маріенбурга въ Пруссіи въ числѣ 27 душъ обоего пола[2]).

Наступившая затѣмъ въ 1812-мъ году отечественная война и послѣдовавшія за ней военныя событія пріостановили на время переселеніе меннонитовъ въ Россію; но съ 1815-го года опять возобновляется среди меннонитовъ стремленіе къ переселенію въ Россію и притомъ на прежнихъ льготныхъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ XXXI, № 24.131.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Донесеніе консула Трефурта изъ Данцига отъ 19 іюня/1 іюля 1811 года.

условіяхъ — съ полученіемъ ссуды на переѣздъ и водвореніе. 4/16 сентября этого года генеральный консулъ въ Кёнигсбергѣ Коцебу увѣдомилъ министерство иностранныхъ дѣлъ, что 40 меннонитскихъ семей изъ окрестностей Эльбинга желаютъ переселиться въ Россію подъ условіемъ выдачи имъ денежной ссуды на переѣздъ и водвореніе. Управляющій государственной коллегіей иностранныхъ дѣлъ тайный совѣтникъ Вейдемейеръ, немедленно по полученіи донесенія Коцебу, письмомъ отъ 13 сентября того же года запросилъ министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлева, „можетъ ли это желаніе быть удовлетворено“? — Отвѣтъ на запросъ былъ отрицательный, въ духѣ указа 25-го февраля 1810-го года. Въ письмѣ отъ 17-го сентября 1815-го года министръ писалъ Вейдемейеру: „помянутымъ 40-ка сѣмьямъ менонистовъ можно дать не иначе дозволеніе переселиться въ Россію, какъ только собственнымъ иждивеніемъ безъ всякаго отъ казны имъ вспоможенія какъ въ пути, такъ и на самомъ мѣстѣ ихъ водворенія. Они должны довольствоваться отводомъ земли, общимъ покровительствомъ, которое у насъ оказывается всѣмъ иностраннымъ поселенцамъ, а особенно привиллегіями, кои дарованы выходцамъ сего вѣроисповѣданія, каковыя привиллегіи подробно изложены въ . . . грамотѣ, всемилостивѣйше пожалованной обществу менонистовъ.

„Единовѣрцы ихъ въ Новороссійскомъ краѣ находятся въ весьма хорошемъ положеніи. Многіе другіе колонисты отказались предъ симъ получить вспоможеніе отъ казны на обзаведеніе особымъ хозяйствомъ, рѣшаясь жить въ ихъ колоніяхъ и тамъ снискивать себѣ трудами благосостояніе. Посему я считаю, что если посторонніе люди могутъ удобно пристроиться у новороссійскихъ менонистовъ, то кольми паче сіи не откажутся оказать все вспоможеніе своимъ единовѣрцамъ при поселеніи ихъ. Но какъ бы сіе ни было, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государъ мой, подтвердить г. генеральному консулу не иначе давать имъ позволеніе и пашпорты на слѣдованіе въ Новороссійскій край для поселенія, какъ съ полученіемъ отъ нихъ формальныхъ подписокъ, что они не требуютъ и не будутъ требовать никакихъ отъ казны денежныхъ вспоможеній или издержекъ для ихъ водворенія или прокормленія, каковыя

подписки и должны быть доставлены министерству внутреннихъ дѣлъ".[1])

Въ 1819-мъ году послѣдовало воспрещеніе иностраннымъ выходцамъ селиться въ Россіи, но оно не коснулось меннонитовъ, и ихъ переселеніе на условіяхъ, опредѣленныхъ указомъ 25 февраля 1810 года, продолжалось до послѣдняго года царствованія императора Александра. Въ 1819-мъ году ихъ прибыло изъ Пруссіи 75 семействъ, а въ 1820-мъ — 179. „По уваженію отличнаго трудолюбія и устройства въ хозяйствахъ всѣхъ водворенныхъ въ Новороссійскомъ краѣ меннонистовъ", высочайше утвержденное 18 ноября 1820 года Положеніе Комитета Министровъ разрѣшало ихъ единовѣрцамъ „выходить изъ Пруссіи и селиться . . . . на Молочныхъ Водахъ, пока вся назначенная для нихъ земля не будетъ заселена". На водвореніе меннонитовъ было ассигновано казной 300.000 рублей, а ежегодный впускъ ихъ въ Россію былъ ограниченъ 200 семействъ; въ дѣйствительности же притокъ ихъ не превышалъ въ среднемъ 20 семействъ въ годъ.[2])

За царствованіе Александра I число колоній въ молочанскомъ округѣ возросло до 40, а въ Хортицкомъ — до 18[3]).

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Письмо министра вн. дѣлъ О. П. Козадавлева Ивану Андреевичу Вейдемейеру отъ 17 сентября 1815-го года.

[2]) Бондарь. Секта меннонитовъ въ Россіи. Петроградъ 1916. Стр. 30-ая.

[3]) Клаусъ. Наши колоніи, 151 стр.

Приложеніе.

Declaration des Edikts vom 30-sten Juli 1789 und des darauf Bezug nehmenden § 28 des Kanton-Reglements vom 12-ten Februar 1792 wegen der Befugniss der Mennonisten, Grundstücke zu erwerben.

Wir Friedrich Wilhelm, von Gottes Gnaden König von Preussen etc.—thun Kund und fügen hiermit zu wissen, wie zwar im Edikt vom 30-sten Juli 1789 die Einschränkungen festgesetzt worden, unter welchen den Mennonisten erlaubt sein soll Grundstücke in Ost- und Westpreussen auch Litthauen an sich zu bringen ohne dass sie gleich den übrigen Enrollement unterworfenen Unterthanen zum Kriegsdienst verplichtet werden. Es hat sich aber gezeigt, dass die in diesem Edikt enthaltenen Vorschriften den eigentlichen Verhältnissen nicht angemessen sind. Die Erfahrung hat bewiesen, dass Mennonistische Glaubensgenossen Kriegsdienste übernommen und sich darin zur völligen Zufriedenheit ihrer Vorgesetzten so betragen haben, dass sie es verdienen in Ansehung der Befugnisse zum Erwerb von Grundstücken unseren übrigen christlichen Unterthanen ihres Standes gleich gesetzt zu werden. Dagegen kann es denjenigen Mennosisten, welche sich der allgemeinen Verbindlichkeit, das Vaterland zu vertheidigen, noch ferner entziehen wollen, in Zukunft nicht gestattet werden, die Zahl ihrer Besitzungen zu vermehren, oder deren Umfang zu erweitern und die mit der Enrollements-Freiheit verbundenen Vortheile zu benutzen, um andere dem Staate nützlichere christliche Glaubensgenossen zu verdrängen. Diesem gemäss finden Wir nöthig durch gegenwärtige Verordnung genauer zu bestimmen, wie es in Zukunft in Ost- und Westpreussen, auch Litthauen, in allen Fällen gehalten werden soll, wenn Mennonisten den Besitz von Grundstücken erlangen wollen und welcher Unterschied zwischen denjenigen zu beobachten ist, welche die Kantonpflichtigkeit übernehmen, oder auf fernere Enrollementsfreiheit Anspruch machen wollen.

§ 1. Diejenigen Mennonisten, welche sich erklären, dass sie die andere(n) Unterthanen ihres Standes obliegende Verbindlichkeit zum Kriegsdienst übernehmen und Kanton Freiheit

nicht verlangen, sollen von allen durch das Edikt vom 30-sten Juli 1789 ihren Glaubensgenossen bei dem Erwerb oder der Erweiterung von Grundstücken gemachten einschränkenden Bedingungen, gänzlich hefreiet, und nach eben den Gesetzen, wie andere christliche Glaubensgenossen ihres Standes behandelt werden.

§ 2. Bei der Einziehung zum Kriegsdienst, soll der Kantonpflichtige Mennonist in Rücksicht seiner Glaubensbegriffe mit Ableistung eines Eides verschont und die erforderliche Zusage von ihm mittelst Handschlages angenommen werden.

§ 3. Zu der Abgabe, welche dem Enrollement nicht unterworfene Mennonisten für diese Freiheit jährlich zum Besten des Culmischen Kadetten-Instituts entrichten, sollen diejenige(n) Mennonisten beizutragen nicht verbunden sein, welche durch die zu übernehmende Verpflichtung zum Kriegsdienste in Ansehung des Erwerbes und der Erweiterung der Grundstücke alle Befugnisse der übrigen christlichen Glaubengenossen erlangen.

§ 4. Dahingegen soll keinem Mennonisten, der nicht bereit ist auf Enrollements-Freiheit Verzicht zu leisten, fernerhin die Erlaubniss ertheilt werden, auf irgend einige Art solche Grundstücke, es mögen ländliche oder städsche sein, zu erwerben, deren Eigenthum zur Zeit der Publication dieser Verordnung sich nicht im Besitz von Mennonisten befinden, welchem gemäss die hierunter bishero zugelassene Ausnahmen für die Zukunft gänzlich aufgehoben werden, so dass die jetzt vorhandene Anzahl der Kantonfreien Mennonisten Besitzungen in der Folge auf keinerlei Art vermehrt oder deren Umfang erweitert werden darf.

§ 5. Der zur Zeit der Publikation gegenwärtiger Verordnung mit Grundstücken angesessenen Mennonisten soll, so lange sie sich zu dieser Seite halten und im Besitz ihrer Grundstücke verbleiben die ihnen zugesicherte Kanton-Freiheit ihrer Söhne ferner zu statten kommen, wogegen sie den gesetzlichen Bedingungen, unter welchen ihnen diese Exemtion gestattet worden, überall genüge leisten müssen.

§ 6. Diese Enrollements-Freiheit soll auch unverändert bleiben, wenn bei dem Abgang der jetzigen Eigentümer die Grundstücke wiederum auf Mennonisten als männliche Intestaterben des jetzigen Besitzers übergehen.

§ 7. Ausser diesem Fall, wo das Eingenthum an einen männlichen Intestat-Erben Mennonistlichen glaubensbekenntnisses gelanget, soll die Enrollements-Freiheit bei der nächsten Besitzesveränderug gäntzlich aufhören, und derjenige, welcher ein solches Grundstück durch Kauf, Tausch, Schenkung, Testament, Vermächtniss, Verheirathung mit der Witwe, Tochter oder einer Anverwandtin des letzten Besitzers, oder sonst auf irgend einige Art erlangt, einen Anspruch auf Befreiung von der Kantonenpflichtigkeit zu machen nicht berechtigt sein.

§ 8. Die durch das Privilegium vom 29-sten März 1780 für die Bewilligung der Kanton-Freiheit bestimmte Abgabe von 5000 Rthlr. an das Kadetten-Institut zu Culm, muss noch ferner unvermindert entrichtet und von den Enrollementsfreien Mennonisten zusammengebracht werden. Nur dann, wenn sich die Anzahl der nicht Kantonpflichtigen Mennonisten so vermindert haben wird, dass sie weniger, als die am 29-sten März 1780 vorhanden gewesene beträget, soll ein verhältnismässiger Erlass bewilligt werden. Diesem gemäss befehlen Wir allen Unsern Militär- und Civil-Behörden, sich nach dem Inhalt dieser Deklaration nicht nur selbst auf das genauste zu achtcn, sondern auch die nötigen Verfügungen zu treffen, dass dieselbe überall pünktlich befolgt, zu diesem Behuf durch den Druck öffentlich bekannt gemacht und in jedem vorkommenden Fall in Ausübung gebracht werde. Urkundlich haben Wir diese Verordnung Allerhöchst eigenhändig unterzeichnet und mit Unserm Königlichen Insiegel bedrucken lassen.

Gegeben Potsdam, den 17-sten Dezember 1801

Friedrich Wilhelm.[1])

---

[1]) Означенная декларація была напечатана въ „Königlich preussische Staats-Krieges und Friedens Zeitungen. 23-stes Stück. Montag den 22 März 1802“ (Архивъ Мин. Земледѣлія, дѣло № 1934/2252).

Переводъ.

Объявленіе указа отъ 30 іюля 1789 г. и относящагося къ оному § 28 кантоннаго учрежденія отъ 12 февраля 1792 года въ разсужденіи права меннонистовъ о пріобрѣтеніи недвижимаго имѣнія.

Мы Фридрихъ Вильгельмъ, Божіею милостію король прусскій и пр. симъ объявляемъ и даемъ знать, что хотя въ указѣ отъ 30-го Іюля 1789-го года учинены предписанія, въ силу коихъ позволено меннонистамъ пріобрѣтать недвижимое имѣніе въ Восточной и Западной Пруссіи, а также и въ Литвѣ, не будучи подвержены подобно прочимъ подданнымъ рекрутскому набору, ниже военной службѣ, однакожъ потомъ оказалось, что въ семъ указѣ содержащіяся предписанія не сообразны съ настоящими обстоятельствами. Опытъ доказалъ, что меннонисты, вступивши въ военную службу, въ оной вели себя къ совершенному удовольствію своихъ начальниковъ, а потому самому они, въ разсужденіи права на пріобрѣтеніе недвижимаго имѣнія, заслуживаютъ уравнены быть съ прочими нашими христіанскими подданными подобнаго имъ званія. Напротивъ того тѣмъ меннонистамъ, кои станутъ продолжать впредь уклоняться отъ всеобщаго долга защищать отечество, на будущее время не позволяется размножать своихъ владѣній, или разширять пространство оныхъ и пользоваться соединенными съ освобожденіемъ отъ рекрутства выгодами, служащими къ угнетенію другихъ полезныхъ государству христіанъ. Вслѣдствіе чего за нужное находимъ Мы симъ предписаніемъ точнѣе опредѣлить, какъ должно впредь поступать во всѣхъ случаяхъ въ Восточной и Западной Пруссіи, а равно и въ Литвѣ, ежели меннонисты пожелаютъ пріобрѣтать недвижимое имущество, и какое наблюдать различіе между тѣми, кои принимаютъ на себя кантонную обязанность, или пожелаютъ впредь быть свободными отъ рекрутскаго набора.

§ 1. Тѣ меннонисты, кои объявятъ, что они готовы нести наравнѣ съ прочими подданными ихъ званія подлежащія обязанности въ разсужденіи военной службы, и не пожелаютъ пользоваться кантонною свободою, имѣютъ быть

освобождены совершенно отъ всѣхъ ограничивающихъ условій, учиненныхъ ихъ единовѣрцамъ въ силу указа отъ 30-го іюля 1789-го года касательно пріобрѣтенія или разспространенія недвижимаго имѣнія, а поступать съ ними по тѣмъ же самымъ правиламъ, какъ и съ прочими христіанами ихъ званія.

§ 2. Во время принятія въ военную службу отъ кантоннаго меннониста, въ разсужденіи понятій его о вѣрѣ, не должно требовать присяги, а принимать потребное отъ него на то согласіе посредствомъ подаванія руки, или вѣрнаго его слова.

§ 3. Отъ подати, которую неподверженные рекрутскому набору меннонисты за сію свободу взносятъ ежегодно въ пользу Кульмскаго кадетскаго института, освобождаются тѣ меннонисты, кои, посредствомъ принятой обязанности нести военную службу, въ разсужденіи пріобрѣтенія и разспространенія недвижимаго имѣнія вступаютъ во всѣ права прочихъ христіанъ.

§ 4. Напротивъ того никакому меннонисту, которой не желаетъ лишиться свободы отъ рекрутскаго набора, не будетъ впредъ позволено, какимъ бы то образомъ не было, пріобрѣтать недвижимое имѣніе, сельсвое ли оно или градское, коего собственность во время объявленія сего предписанія не состоитъ во владѣніи меннонистовъ, а потому и бывшее донынѣ изъятіе напредъ совершенно прекращается, такъ, что состоящее нынѣ количество владѣній меннонистовъ, свободныхъ отъ рекрутскаго набора, въ послѣдствіи никакимъ способомъ умножено или пространство оныхъ разширено быть не можетъ.

§ 5. Меннонистамъ во время публикаціи сего предписанія владѣющимъ недвижимыми имѣніями, доколѣ они придерживаться будутъ сей сетки и останутся во владѣніи тѣхъ своихъ недвижимыхъ имуществъ, предоставляется и впредъ обезпеченная имъ кантонная свобода въ разсужденіи ихъ сыновей, напротивъ чего обязаны они въ точности исполнять законныя условія, въ силу коихъ даровано имъ сіе изъятіе.

§ 6. Сіе освобожденіе отъ рекрутства должно остаться непремѣннымъ, когда при кончинѣ теперешняго владѣльца недвижимое имѣніе опять переходитъ къ меннонистамъ, яко мужеска пола законнымъ наслѣдникамъ послѣдняго владѣльца.

§ 7. Кромѣ сего случая, когда достается собственность мужеска полу законнымъ наслѣдникамъ меннонистскаго вѣроисповѣданія, освобожденіе отъ рекрутства при первой перемѣнѣ владѣнія должно совершенно прекратиться, и кто такое недвижимое имѣніе посредствомъ купли, мѣны, даренія, завѣщанія, духовной записи, бракосочетанія со вдовою, дочерью или родственницею послѣдняго владѣльца, или инымъ какимъ образомъ пріобрѣтетъ, тотъ не имѣетъ права чинить притязаніе на освобожденіе отъ кантонной повинности.

§ 8. Назначенная въ силу привеллегіи отъ 29 марта 1780 года за кантонную свободу подать въ 5000 рейхсталярахъ состоящая въ пользу кадетскаго института въ Кульмѣ также и впредъ безъ умаленія платима и съ уволенныхъ отъ рекрутства меннонистовъ собираема быть должна. Токмо тогда, когда число неподлежащихъ кантонной обязанности меннонистовъ какъ уменьшится, что оно будетъ составлять менѣе существовавшаго 29-го марта 1780 года, должно учинить соразмѣрную сбавку. Въ разсужденіи чего Мы повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ военнымъ и гражданскимъ присутственнымъ мѣстамъ нетолько наиточнѣйшимъ образомъ поступать по содержанію сего объявленія, но также и надлежащія чинить распоряженія, дабы оное повсюду во всемъ исполняемо было, на каковой конецъ объявили Мы всенародно печатными листами, чтобъ при всякомъ встрѣтившемся случаѣ было приведено въ дѣйствіе. Во увѣреніе чего Мы учрежденіе сіе высочайше собственноручно подписали и повелѣли приложить Нашу королевскую печать.

Дано въ Потсдамѣ 17-го декабря 1801-го года.

Фридрихъ Вильгельмъ.[1])

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

---

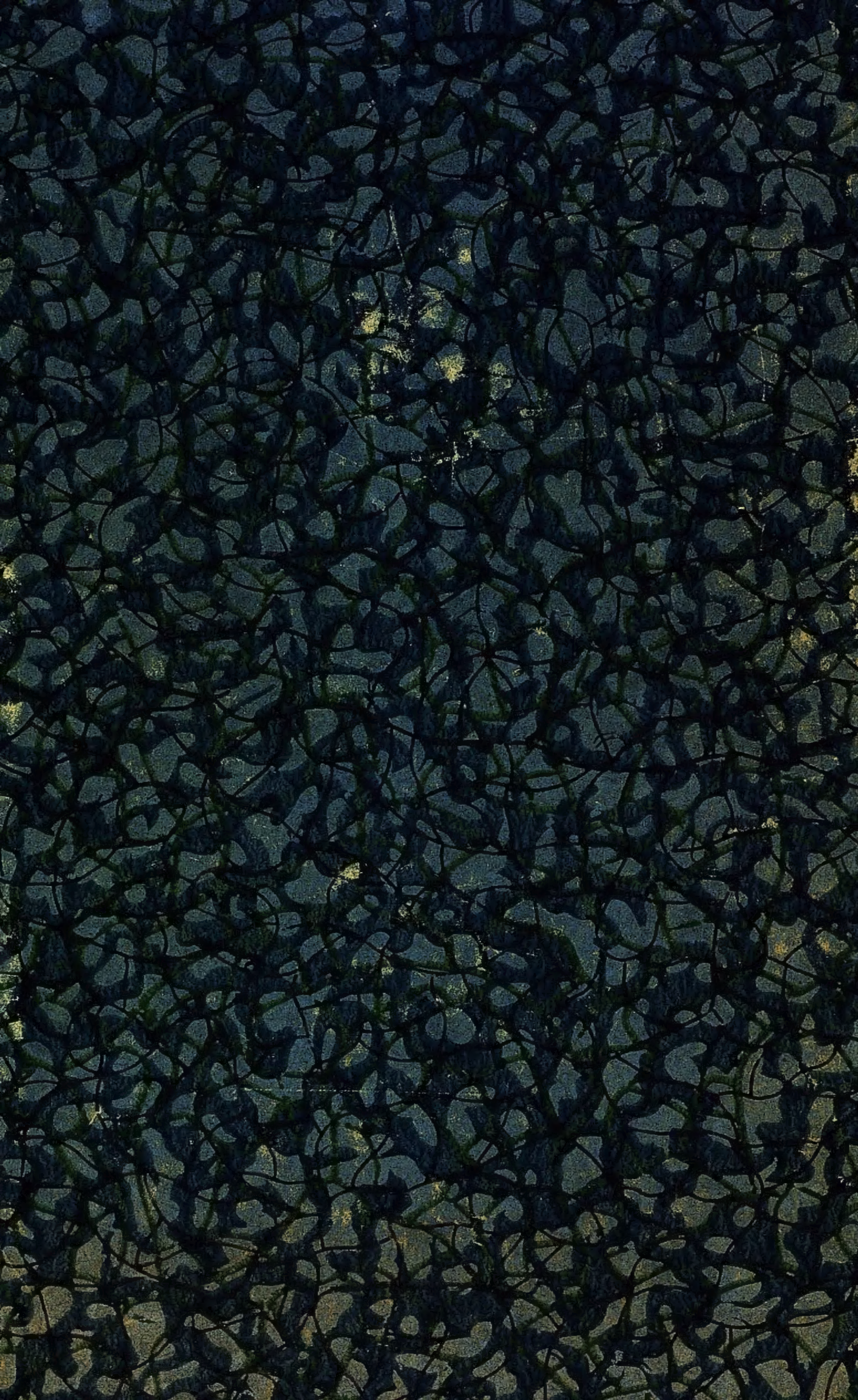
[1]) Означенный переводъ заимствованъ изъ дѣла „О поселеніи въ Россіи прусскихъ менонистовъ и разныхъ нѣмецкихъ ремесленниковъ“, хранящагося въ Москов. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

Работы того же автора по исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи:

Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. Москва 1909.

Къ исторіи іезуитовъ въ Россіи (вѣроисповѣдный вопросъ въ колоніяхъ Поволжья сто лѣтъ тому назадъ). Варшава 1912.

Внутренній распорядокъ въ колоніяхъ Поволжья при Екатеринѣ II. Варшава 1914.

Иностранные колонисты греко-россійскаго исповѣданія въ Поволжьѣ (Труды Саратовской Архивной Комиссіи, вып. 33, 1916 г.)

Хозяйство и форма землевладѣнія въ колоніяхъ Поволжья въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка. Ростовъ на Дону 1916.